

ДИСКУССИЯ

Выступающие:

- О. Н. АСТАФЬЕВА заместитель заведующего кафедрой ЮНЕСКО Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, доктор философских наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ
- В. С. ГЛАГОЛЕВ профессор кафедры философии МГИМО (Университет) МИД РФ, доктор философских наук
- А. А. ГУСЕЙНОВ директор Института философии РАН, академик РАН, доктор философских наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП
- Е. Э. ДРОБЫШЕВА профессор кафедры социально-культурного сервиса и туризма Санкт-Петербургского государственного экономического университета, доктор философских наук
- О. А. ЖУКОВА профессор философского факультета Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», доктор философских наук, кандидат культурологии
- А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ ректор СПбГУП, член-корреспондент РАН, академик РАО, доктор культурологических наук, профессор, председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный артист РФ
- А. Е. ЗИМБУЛИ профессор кафедры эстетики и этики Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, доктор философских наук
- С. Н. ИКОННИКОВА профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, заведующая кафедрой теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств, доктор философских наук, заслуженный деятель науки РФ
- И. Ф. КЕФЕЛИ заведующий кафедрой глобалистики и геополитики Балтийского государственного технического университета «Военмех» им. Д. Ф. Устинова, главный редактор журнала «Геополитика и безопасность», доктор философских наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ
- С. М. КЛИМОВА профессор кафедры философии Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор философских наук
- Г. Г. КОЛОМИЕЦ профессор кафедры философии Оренбургского государственного университета, доктор философских наук
- А. Б. КУДЕЛИН директор Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН, академик РАН, доктор филологических наук, профессор
- И. В. МАЛЫГИНА заведующая кафедрой теории культуры, этики и эстетики Московского государственного университета культуры и искусств, доктор философских наук, профессор
- А. П. МАРКОВ профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, доктор культурологии, доктор педагогических наук, заслуженный деятель науки РФ
- А. Л. МАРШАК главный научный сотрудник Института социологии РАН, доктор философских наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ
- А. П. НАЗАРЕТЯН главный научный сотрудник Института востоковедения РАН, профессор Международного университета «Дубна», доктор философских наук, кандидат психологических наук
- В. Ф. ПЕТРЕНКО заведующий лабораторией психологии общения и психосемантики МГУ им. М. В. Ломоносова, член-корреспондент РАН, доктор психологических наук, профессор
- З. Н. ПОНОМАРЕВА доцент кафедры философии и культурологии СПбГУП, кандидат филологических наук
- Т. Б. СИДНЕВА проректор, заведующая кафедрой философии и эстетики Нижегородской государственной консерватории (академии) им. М. И. Глинки, кандидат философских наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ

- М. В. СИЛАНТЬЕВА профессор кафедры философии МГИМО (Университет) МИД РФ, доктор философских наук
- В. А. ТИШКОВ академик-секретарь Отделения историко-филологических наук РАН, директор Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, академик РАН, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Уважаемые коллеги! Рад приветствовать вас на заседании нашей секции. Слово предоставляется Александру Сергеевичу Запесоцкому.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Уважаемые коллеги! Приглашая вас на Чтения, мы акцентировали нашу просьбу строить свои выступления по принципу диалога, предварительно ознакомившись с докладами на сайте. Иначе конференция снижает свой конструктивный потенциал. Есть один момент, на который я хотел еще раз обратить ваше внимание. Академик Янин в опубликованном к моей книге о Д. С. Лихачеве предисловии сказал, что Дмитрий Сергеевич Лихачев был одним из первых энциклопедистов Нового времени. К сожалению, ученые-энциклопедисты лет 150 назад практически исчезли с авансцены развития науки — из-за того, что наука становилась все более и более специализированным занятием. И такая ситуация отрицательно сказывается на развитии гуманитарной науки в целом. Академик Лихачев был одним из первых, кто почувствовал, что узкую специализацию наук надо дополнять интеграцией. Поэтому я еще раз хотел бы акцентировать внимание участников Чтений на необходимости встраивать тезисы и мысли своих выступлений в общий контекст развития гуманитарной науки. К сожалению, сегодня универсальные знания утрачиваются не только отдельными научными институтами, отдельными учеными, но и университетами. А изначально университетское образование ставило своей целью открыть перед студентами универсальное знание. Я все чаще замечаю, в том числе и по нашему Университету, как трудно людей высокой научной квалификации ввести в процесс обсуждения острейшей проблематики диалога культур. Поэтому я призываю вас: давайте мы будем от Чтений к Читаниям стараться исповедовать универсальную гуманитарную методологию, не ограничиваясь рамками своих учебных курсов или докторских диссертаций,

На одних из прошлых Чтений Михаил Борисович Пиотровский высказал мысль о том, что каждый человек должен учиться жить в разных культурах. Правда, сейчас мы видим, что рецепт оказывается не универсальным и его очень сложно претворить в жизнь. Когда я это услышал лет семь назад, то подумал о том, что надо сначала научить людей жить по-человечески в своей культуре. Но в процессе глобализации оказалось, что мы не только в мире, но и в своей стра-

не живем в разных культурах, и надо учиться сосуществовать вопреки всем нашим разногласиям и несовпадениям. Это огромная теоретическая и образовательная проблема, которая год от года становится все актуальнее.

Успеха вам в работе секции!

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Александр Сергеевич, большое спасибо Вам как председателю Оргкомитета. Приглашаю к микрофону Александра Петровича Маркова.

А. П. МАРКОВ: — В дискуссии на секции принято (и вчера к этому призывал Александр Сергеевич) вступать в диалог с идеями, прозвучавшими на пленарном заседании. Оставаясь в границах заявленной в названии секции парадигмы «свои–чужие», я хотел бы вступить в неравный (и в определенном смысле самонадеянный) диалог с интереснейшими идеями ведущего нашей секции академика Абдусалама Абдулкеримовича Гусейнова.

Прежде всего отмечу те мысли академика, с которыми я солидарен: «чужие» — это те, с которыми мы не хотим быть вместе, они нужны, чтобы противостоять им и тем самым лучше понять себя. Культурные различия (язык, обычаи и т. п.) — основа маркировки «своих» и «чужих». Философско-культурологические теории, ориентированные на объединяющие людей общегуманистические принципы диалога и рационального дискурса, содержат в себе собственные ограничения. В них нет изначального универсализма, что делает их этически уязвимыми.

Но ряд основополагающих тезисов Абдусалама Абдулкеримовича вызывает желание поспорить. Позвольте вам их напомнить. Тема «свои» и «чужие» несовместима с теорией диалога культур в глобальном мире. Базовая идея концепции диалога культур — признание многообразия и разнообразия культур как блага, как благотворной формы развития человека и общества. Понятое в таком качестве культурное многообразие исключает взгляд на него изнутри одной культуры — такой взгляд делает неизбежным членение людей по культурным признакам на «своих» и «чужих».

Мои возражения следующие. Первое. Ценность многообразия не исключает идентификации каких-то элементов многообразия как «чужих», а даже предполагает. Как известно, диалог — это взаимодействие «разностей» на площадке общего (М. М. Бахтин).

И в диалоге «другой» может восприниматься как «чужой». Более того, углубляющееся понимание другого становится основанием для восприятия его как чужого.

Второе. Концепция диалога культур совместима с пониманием дихотомии «свои–чужие» — в силу фундаментальности данного механизма культурогенеза. Как известно, оппозиция «свои–чужие» является базовым основанием культуры, проявлением глубинных и универсальных социально-культурных механизмов ассоциации и диссоциации. А это значит, что один и тот же элемент культуры (язык, традиция, ценность) выступает и как основание для солидарности, объединения, и как фактор обособления культурного сообщества от других: соединяя, он разделяет. Механизмы ассоциации и диссоциации составляют основу культурной динамики, выступают ключевым фактором формирования национально-культурной идентичности и средством консолидации общности «мы». Разновидностью этих механизмов является универсальный для культуры принцип бинарности (то есть двойственности, антиномичности), который лежит в основе человеческого сознания и познания (И. Кант назвал антиномию «ключом познания»). Считается, что бинарный архетип — ключевой атрибут европейской культуры, «атом» европейского типа рациональности.

Механизмы ассоциации и диссоциации имеют древнейшее происхождение. Я в этом контексте процитирую Б. Поршнева: «Всякое противопоставление объединяет, всякое объединение противопоставляет; мера противопоставления есть мера объединения». В частности, Б. Поршнев объяснял «распадение» человечества еще на заре человеческой истории («на великое множество общностей с разными искусственными признаками их обособления и культурами») как результат действия механизмов суггестии и контрсуггестии. Создание в древности собственного языка в этом контексте можно рассматривать в качестве универсального способа самозащиты формирующегося культурного сообщества: объединяя общность, язык одновременно противопоставляет ее всем другим «лингвокультурным сообществам» (множество языков — это возможность не понимать «других», способ не слышать их «команд»).

Таким образом, на всех уровнях социального бытия негативное отношение к «другим» так же естественно и закономерно, как позитивное к «своим» — данная оппозиция является источником энергии консолидации общности, ее самосознания. П. Флоренский писал о том, что «должны быть внешние условия, которые помогали бы внутреннему собиранию».

Более того, данная оппозиция выполняет свою конструктивную функцию даже в своих крайних формах, когда «другой» становится «врагом». Образ «врага», даже в том случае, когда он искусственно создается, во-первых, способствует консолидации социальной или этнокультурной общности «мы». Во-вторых, он становится внешним фактором (или источником) мобилизации духовных сил нации (сегодня в контексте событий на Украине, которая своими действиями в адрес России с помощью СМИ «упакована» в образ врага, мы видим впервые за несколько десятилетий всплеск патриотизма).

Дело в том, что «образ врага» ставит нацию на границу небытия, очевидная беда стимулирует защитные силы нации и культуры. Для нас это особенно характерно — мы обладаем способностью объединяться в беде и демонстрировать подвиг самопожертвования, когда Родине угрожает смертельная опасность. Это качество связано с выраженностью в структуре национального характера такой ментальной черты, как совесть — в смысле со-настроенности на другой голос, чужую боль. В-третьих, «отталкивание» от образа врага способствует духовно-нравственной идентичности. Вот почему во всех культурах всегда можно обнаружить полюса добра и зла, жизни и смерти. Как известно, в христианской культуре эти полюса представлены образами Христа и антихриста. С помощью этих персонифицированных оппозиций культура помещает человека в энергетическое «поле» тяготения, и ты вынужден сделать свой выбор — с кем ты.

Опасения Абдусалама Абдулкеримовича по поводу деструктивных последствий рассматриваемой оппозиции обоснованны — за ними грядет кровь. Но причины крови не в самой оппозиции, а в ее характере. Можно выделить несколько факторов усиления «негативного поля» по отношению к «другому» (которые одновременно являются причинами повышения значимости и увеличения масштаба «образа врага»).

Во-первых, отсутствие (или утрата) смысла жизни (для общества — отсутствие значимой национальной идеи). В такой ситуации возникает экзистенциальная пустота (и в масштабе общества, и в индивидуальной плоскости). В такой ситуации происходит гиперболизация образа врага, который находит свое выражение в националистической идеологии — наиболее опасной форме оппозиции «мы–они», в которой граница между «своими» и «чужими» проходит по критерию «почвы и крови».

Во-вторых, состояние кризиса идентичности. Особые функции (и напряженность) образ «врага» выполняет на «границе» культурных миров: «враг» в таком случае становится ведущим фактором обретения идентичности, он помогает консолидировать общность «мы» путем отталкивания от «они». Характерным примером такого варианта оппозиции является Украина, которая на протяжении почти всей своей истории, но особенно в последние два десятилетия, обретает национально-культурную и государственную идентичность в конструировании образа врага в лице России.

В-третьих, значимым фактором экспансии конфликтности (и враждебности) по отношению к «чужому» является «культурный перфекционизм» (чрезмерно высокие стандарты национально-культурных притязаний, возможности достижения которых, с одной стороны, консолидируют общность «мы», с другой — усиливают по их достижению истощают энергию нации и провоцируют усиление компенсаторных механизмов диссоциации, в том числе и в форме конструирования «врага» и последующим стремлением его уничтожить). Психология объясняет мотивационную основу перфекционизма острым «конфликтом достижений», когда одинаково сильно выражены мотивы «стремление к успеху» и «избегание неудачи». Обнаруживается

очевидная связь «перфекционизма» с двумя группами состояний: с одной стороны, с депрессивными и тревожными расстройствами, состоянием эмоциональной дезадаптации, с другой — с выраженной «враждебностью» (склонностью наделять других людей и этнические группы негативными качествами) или даже агрессией, в основе которой лежит намерение причинить вред другому человеку (Н. Г. Гаранян).

«Культурный перфекционизм» типичен для русской истории: масштаб наших национально-культурных притязаний представлен уже в самой формуле русской идеи, с ее напряженной миссионерской энергией («Москва — Третий Рим, а четвертому не бывать»), которая утвердила Московское княжество как преемника Римской империи и Византии. Но еще в больших масштабах это выражает идея построения коммунизма как «царства Божьего» на земле.

Результатом действия всех перечисленных выше факторов становится хроническая разбалансированность общества, вызывающая системные и многоуровневые напряжения, внутри которых формируется специфическая «идеология ненависти» (К. Гирц). Л. Н. Гумилев назвал носителя такой идеологии «этнокультурной химерой», или антисистемой, для которой характерны отрицательное (или негативное) миро-созерцание и ненависть к «врагу» как крайняя форма оппозиции.

Но опасность антисистемы в другом: она стремится оформить образ «врага» символикой, выводящей его за границы «человеческого», что «развязывает» руки для беспощадного и безжалостного его истребления. Так когда-то европейцы вырезали индейцев, которых они по бесчеловечности ритуалов посчитали разновидностью обезьян. Так поступали фашисты на оккупированных территориях Советского Союза. Так поступают сегодняшние бандеровцы на Украине, для которых население юго-востока — это колорады, жуки, которых надо и можно уничтожить. Антисистема чаще всего образуется в зоне контакта, на границе, она формируется в ситуации незавершенного духовно-нравственного выбора (а в сегодняшней ситуации Украины и России — в результате политических манипуляций «игроков» глобального мира, которым выгоден конфликт на границе России и Европы).

Такого рода оппозиция античеловечна и деструктивна, и пока есть оппозиция «свои–чужие», существует опасность перерождения ее конструктивных вариантов в деструктивные и антигуманные формы. Неслучайно культура инициирует проекты, снимающие агрессивную энергетику оппозиции «мы–они». В частности, М. Мид в свое время предлагала проект «революции метафор», в рамках которого планировалось создать единый мировой язык, исключив из него «категории зла». В этом же ряду находятся глобальный проект формирования культуры толерантности, которая должна была путем устранения образа «врага» сделать межличностную и межкультурную коммуникацию более терпимой и конструктивной. К сожалению, толерантность, решая в определенной степени данную задачу, одновременно уничтожает «иммунитет нравственности», который основан на различении добра

и зла (в том числе как «своего» и «чужого»), способствуя тем самым расширению границ аномии (в публицистике проект толерантности схвачен метафорической формулой «нравственный СПИД человечества»).

Абдусалам Абдулкеримович предлагает свой способ устранения ее причин, то есть самой основы деления на «своих» и «чужих», а именно: во-первых, включение в теорию диалога культур в качестве аксиологической предпосылки признания самоценности человека как человека в лице каждого индивида (цитирую: «признание этого до всех его культурных определений и отличий, а соответственно и признание его права на культурное развитие и оформление в том виде и направлении, которые он сам находит правильными и нужными»); во-вторых, утверждение в качестве объединяющего принципа природного единства всех людей (еще одна цитата из выступления: «Эта мысль древних греков о том, что природное единство людей выше их культурных различий, наполняется в свете глобализации новым более глубоким и теперь уже вполне историческим смыслом. Она уже сама становится принципом культуры»). И завершающий вывод академика: культурные различия вторичны по отношению к различающимся в этом аспекте индивидам, поэтому они «не могут быть основанием для их маркирования в качестве чужих. Только при такой предпосылке и при таком расширении концепция диалога культур получает надежную опору и оказывается изначально и принципиально универсальной». Для закрепления этой мысли в культуре предлагается утверждение изначально и абсолютного запрета на насилие в отношениях между людьми: «Существует, на мой взгляд, только одна возможность для того, чтобы закрепить эту мысль в культуре, а именно — принять ее в качестве безусловной истины и императива действия. Собственно, это уже было сделано, когда было сказано: “Прощайте врагов ваших” и был выдвинут идеал ненасилия в качестве единственно возможной линии поведения, снимающей гибельное для человеческого существования разделение людей на “своих” и “чужих”. Речь идет об изначально и абсолютном запрете на насилие в отношениях между людьми, запрете на него в каких бы то ни было формах и без каких бы то ни было исключений».

Мои возражения сводятся к следующему. Природное единство — иллюзия. Именно природа разделяет нас, заставляя убивать друг друга — за средства существования, внимание женщин, материал для человеческих пороков. Приоритет природного единства людей над их культурными различиями уводит нас в язычество, в тупиковый вариант развития человечества. Вера, что запрет на насилие решит проблему, — это «гуманитарный романтизм» (запреты не решают проблемы, скорее наоборот — провоцируют противоположные модели поведения, об этом писал еще апостол Павел, называя причины неудачи «проекта» Моисея). Христианство, декларируя общечеловеческое единство и призывая «прощать врагов ваших», не просто запретило насилие: оно предоставило человеку и миру уникальный психокультурный механизм «снятия» энергии противостояния «мы–они» — путем прощения, духовная и сакральная сила которого возвышает его

над законом и справедливостью. Прощение не предполагает соглашения со злом — оно его преодолевает: путем активизации духовных сил, избавления от разрушительных для души чувств мести и раздражения, ожесточенности и злобы. Не случайно Нагорная проповедь Христа призывает «не судить», «любить врагов ваших», «благословлять проклинающих вас» и «благодарить ненавидящих вас». Духовную основу и «тайну» прощения составляет любовь — бескорыстная и жертвенная, чистая и сострадающая, верящая в человека как образ и подобие Божье. Именно такую любовь являет нам распятый Христос, обращаясь к Богу с просьбой о спасении своих мучителей: «Отче! Отпусти им, ибо не ведают, что творят!». Акт прощения не просто лишает «другого» разрушительной энергии — он дает его совести шанс проснуться, ощутить стыд за совершенное и совершить духовное покаяние. Но прощение духовно обогащает и того, кто прощает, лишая человека деструктивной энергии обиды и ненависти, возвышая его над эгоизмом и укрепляя в любви.

И последний тезис. К сожалению, в глобальном мире механизмы диссоциации начинают активно доминировать, что чревато системными конфликтами, в том числе и военного характера. Препятствием на пути расширения пространства деструктивных форм поляризации в системе «свои–чужие» могут стать позитивные основания национально-культурной идентичности, которые, увы, в глобальной культуре теряют свою конструктивную энергетику. В такой ситуации значимым ресурсом снижения конфликтного противостояния «мы–они» (и прежде всего между Россией и Европой) может стать осознание надвигающейся катастрофы, которое способно перевести конфликтное противостояние в совместный поиск шансов и перспектив выживания. В таком случае общим для народов и культур символом «врага» становится надвигающаяся беда, а площадкой для межкультурного диалога России и Европы — понимание масштабов грядущей катастрофы.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Большое спасибо. Слово предоставляется Акопу Погосовичу Назаретяну.

А. П. НАЗАРЕТЯН: — Сегодня в исторической социологии широко обсуждается так называемый закон Веркко, именованный по фамилии финского криминолога, который в 1930-е годы первым выдвинул предположение, что во все времена и во всех культурах главным источником насильственной смертности оставались не войны, не военные сражения, а семья. То есть чаще всего люди убивали друг друга внутри рода. И для того, чтобы как-то ограничить насилие внутри рода, испокон веков, начиная с эпохи палеолита, люди изобретали врагов. Это необходимый механизм внутренней консолидации, который хотя бы немного ограничивал внутривидовую агрессию.

Тема моего выступления — как выстраивать национальную идею России. Сегодня наши политики и политологи говорят про национальную, государственную идеологию, которая запрещена Конституцией Российской Федерации по целому ряду причин, одна из кото-

рых состоит в том, что понятие идеологии исторически себя дискредитировало.

Слово «идеология» появилось в XVIII веке благодаря группе французских биологов-материалистов, которые пытались создать физиологическую науку о мышлении. Они отождествили мозг с желудком, при этом рассуждали следующим образом: желудок перерабатывает пищу и производит экскременты. Мозг вырабатывает правильные реакции для выживания или, как говорят, перерабатывает информацию и при этом производит экскременты. Мышление — это экскременты мозга. Так они выстраивали науку о мышлении, которую назвали идеологией. После Наполеона Бонапарта, который придал крайне негативное значение этому слову, в европейском представлении идеология трактовалась как надуманное теоретизирование, предназначенное для оправдания интересов одной большой группы в ущерб интересам другой. В общем-то, в этом значении Маркс с Энгельсом и использовали ложное сознание. В России Плеханов придумал, а Ленин подхватил такой оксюморон — научная идеология, истинная идеология и т. д.

Сейчас нам пытаются навязать государственную идеологию, но реально мы сталкиваемся с тем, что отсутствуют внятные государственные стратегии. Они отсутствуют не только у России, но и у Соединенных Штатов Америки. Современная мировая геополитическая система достигла максимальной стабильности к концу 1970-х годов, с тех пор она всячески расширялась. По ментальной матрице мировая цивилизация должна оставаться двухполюсной. Из системной экологии мы знаем: когда одна из экологических ниш опустошается, например отстреливают волков, их место занимают одичавшие псы, которые оказываются гораздо страшнее волков. Нечто подобное произошло и в современной геополитической системе. Опустевшая ниша стала заполняться террористами, фундаменталистами, а они гораздо страшнее сбалансированной системы, сформированной к концу 1970-х годов.

Ключевая заслуга Советского Союза в XX веке — в том, что наступил XXI век. Именно СССР человечество обязано тем, что оно до сих пор существует. Вполне могло получиться иначе. В 1960-е годы и даже в начале 1970-х вероятность того, что вся история человечества оборвется, была очень велика. В свое время в Австралии, России и США проводились независимые расчеты на разном материале, с разными математическими аппаратами, которые показали, что на протяжении нескольких миллиардов лет существования Земли обозначилась тенденция ускорения эволюционных процессов. Это ускорение подчиняется простому логарифмическому закону, то есть временной лаг между глобальными катастрофами и глобальным фазовым переходом сокращается с геометрической прогрессией. При экстраполяции этой кривой оказывается, что примерно в середине XXI века человечество дойдет до точки сингулярности. То есть функция исчерпается. Значит, либо произойдет обвал, возможно, мы подходим к концу истории, либо какой-то вариант стабилизации, либо прорыв. Сейчас Россия имеет все шансы вернуть себе ту нишу, которую она занимала в XX веке.

И от этого зависят перспективы мировой цивилизации в XXI веке.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Слово предоставляется Светлане Мушаиловне Климовой.

С. М. КЛИМОВА: — Хочу поблагодарить организаторов конференции за приглашение. Это действительно уникальная возможность — побывать на Лихачевских чтениях. Мое выступление посвящено теме «“Свой–чужие” в реформе высшего образования» — это не глобальная, а скорее локальная проблема. Прежде всего мне хотелось бы вспомнить известный афоризм о том, что хитрость объективного заключается в том, что последствия наших действий не всегда совпадают с нашими намерениями. И я хотела бы взять его за основу тех разломов, которые происходят у нас сегодня в процессе реформирования. И то, как эти процессы воспринимаются и отражаются и в общественном сознании, и в представлениях профессорско-преподавательского состава. Ни для кого не секрет, что процессы реформирования высшего образования проходят без учета настроений, традиций, национального компонента. Гораздо менее очевидны причины, почему и как это происходит. Я выделила только одну причину, назвав ее межпоколенческим разрывом, под которым я понимаю разрыв между старшим и младшим поколениями профессорско-преподавательского состава. Из этого разрыва происходят и другие. Для высшего образования это междисциплинарный разрыв — между «жесткими» и «мягкими» дисциплинами, а также ментальный разрыв, определяющий отношение преподавателей к реформам. В этих разрывах и заложена оппозиция «свой–чужой» в реформе высшего образования в России.

Базовым основанием разрыва являются реальные противоречия между сутью реформ и их восприятием разными поколениями преподавателей. Я выделила два поколения, одно назвала «поколение мы» (45–65 лет) — это поколение советской интеллигенции, а другое — “generation me” (35–45 лет). «Поколение мы», несмотря на то что происходит сейчас и происходило ранее, продолжает оставаться коллективистски ориентированным: верит в метафизические смыслы и аксиологию; имеет обязательства и долг не только перед собой, своей семьей, но и перед студентами, обществом, государством и своей историей. В высшем образовании это до сих пор ведущая производительная сила, главный кадровый потенциал.

Однако происходящие реформы замешены совершенно на другой идеологии, носителями этих идей и прежде всего дискурсами (хотелось бы говорить об этой реформе именно через дискурс) является поколение, которое я назвала “generation me”. Это поколение призвано смыть все ценностные ориентиры «поколения мы». Для современных реформаторов человек как цель не существует, то есть ни в одном документе мы не найдем понятия и слова «личность» (я имею в виду документы, посвященные реформе высшего образования). Что есть в этих документах? Все, кто работает в высшей школе, знают эти термины: «поставщики», «потребители услуг», «консультанты», «креатив-

щики», «проектировщики», «инвестиции в человеческий капитал», «социально-гуманитарные технологии» и другие рыночные категории образования и соответственно рыночные идейные клише по обсуждению реформирования высшего образования.

Термин “generation me” возник в начале 1980-х годов, во времена правления Рональда Рейгана, когда внимание сместилось с общественного блага и национальных задач на поиск минимизации уплаты налогов и рост индивидуального богатства. Общественное благо сменилось интересами частной жизни. К этому поколению следует отнести генерацию людей, рожденных в СССР, в закатный период брежневского правления, примерно с середины 1970-х и позже. Они получили советское начальное и среднее образование и соответствующий нравственный импульс воспитания, существенно скорректированный в период перестройки. Для этого поколения свойственно столкновение идей, в которых они воспитывались, и идей, которые подарила перестройка. А это совершенно разные люди с разными установками, но всех их объединяет рационалистическое мировоззрение, эгоцентризм, прагматизм и нравственный коллективизм. Весь мир для них — объект захвата. Жажда обладания привела к доминированию новых ментальных, культурных, аксиологических установок целиком сосредоточенного на себе “generation me”. Именно это поколение сегодня олицетворяет новый общественный менеджмент, возглавляет современные реформы и является главным фактором их успешного внедрения.

Это не просто оппозиция «мы–они». Межпоколенческие субкультуры внутренне дифференцированы. «Поколение мы» делится на консерваторов, инноваторов. Есть локально информированные коллективисты, и есть глобально информированные коллективисты. Есть очень отстающие преподаватели из «поколения мы», которые совершенно не ориентируются в реалиях, читают по учебникам столетней давности, но при этом готовы целиком отдавать себя вузу, работать на общественных началах, жертвовать всем для коллектива, относятся к вузу как к семье и хотят этого же от вуза. Глобально ориентированные коллективисты — это те преподаватели, которые вписались в сегодняшние реалии, кто реально движет науку, образование, но при этом им присуще коллективистское сознание. То же самое с “generation me”. Есть индивидуально ориентированные: они просто переселяются в вузе и работают ради того, чтобы провести время. Для них преподавание — то же самое, что и любая другая профессия, никакой души они туда не вкладывают. И есть глобально ориентированные индивидуалисты, и эти будут добиваться всего. К сожалению, сегодня они управляют «поколением мы», которое продолжает исповедовать коллективистскую идеологию, живет не только целями максимизации прибыли, но и чувством долга, верой в метафизические смыслы бытия, ответственностью не только перед студентами, но и перед обществом, государством, историей.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Приглашаю к микрофону Ирину Викторовну Малыгину.

И. В. МАЛЫГИНА: — Спасибо большое, уважаемые коллеги. Я хочу продолжить говорить о том, с чего начал Аноп Погосович. Действительно, глобальной культуры не случилось, несмотря на то что прозрачность территориальных границ возросла. Это компенсируется тем, что нарастает плотность культурных границ, которые к тому же все больше смещаются в пространство идентичности. Поэтому все еще не исчерпаны разговоры о диалоге культур, о необходимости каким-то образом научиться его выстраивать.

В связи с этим возникает вопрос: то, что сегодня происходит, это диалог или нет? Если я говорю о диалоге, то в первую очередь имею в виду, что это такой тип коммуникации, при котором обязательно происходит изменение с обеих сторон субъектов. Это могут быть изменения в типах мировоззрения, моделях социального поведения, системах ценностей и т. д. Следовательно, второй принципиальный момент — для того, чтобы получился диалог, необходимо сочувствие, интуиция. Когда начинают вести диалог, человек уже дает себе установку, что он готов к пониманию точки зрения оппонента. А для этого очень важно встать на позицию своего оппонента, как бы выровнять исходные позиции. То есть если мы сразу не выравниваем позиции, то диалог невозможен. И третий момент. Только сочувствие, готовность к сопереживанию, к пониманию позиции другого делает возможным переход «чужого» на другой уровень, на уровень «другого», с которым и хочется выстраивать отношения. С этой точки зрения я буду полемизировать с господином Чуровым, который вчера размышлял о войне как форме диалога.

Если вы согласитесь с моей трактовкой диалога, то тогда она в эту схему не вписывается, потому что это уже не диалог, а конфликт, все что угодно, но не диалог. Вчера разговор зашел о Первой мировой войне, которая провозглашалась как война за цивилизацию. Война за цивилизацию — это война за культуру. Мне кажется, что Первая мировая война сформулировала конфликт цивилизаций и культур, привела к переустройству мира, так как это был конфликт в технологическом отношении развитых и ориентированных на модернистский подход развития государств и государств, которые придерживались традиционалистского сценария развития. Этот конфликт традиции и модернизации — одна из модальностей конфликта культуры и цивилизации, а разворачивается этот конфликт чаще всего на оси «Восток–Запад» по тому принципу, что традиционно западная цивилизация ассоциируется с модернизацией, а восточная — с традицией. И самый глубокий разлом современного мира сегодня проходит по этой оси. Причем до недавнего времени в основном имели в виду мусульманский Восток, но Украина внесла поправки в этот сценарий.

Говорят, что это наступление цивилизации без святых и героев на ценности традиционных культур. Такую точку зрения поддерживают многие современные аналитики. Это по большому счету вполне культурное явление, потому что оно явилось реакцией защиты традиционных культур, которые находятся к востоку от Европы, от наступления западной цивилизации. Мы вынуждены согласиться с этим, однако должны учиты-

вать еще и тот момент, что этот риск содержит в себе и российская культура, российская цивилизация, потому что мы все время балансируем на границе двух культурных миров — восточного и западного.

Проблема российской идентичности в российском самосознании вызвала непримиримые противоречия. Если Чаадаев считал, что мы на самом деле не принадлежим ни к Востоку, ни к Западу, то Бердяев, наоборот, говорил, что два этих начала встречаются в нашей душе. Была и третья точка зрения, согласно которой Россия — то ли третий культурный материк, то ли та граница, за которой все позитивные и продуктивные моменты восточного и западного взаимодействия себя исчерпывают. Известные отечественные культурологи говорят, что пришла пора ставить вопрос о последовательном преодолении традиционного типа социокультурной динамики, правда, умалчивается, каковы способы его преодоления.

Мы понимаем, что эти сценарии не новы и хорошо знакомы по эпохе колониального раздела мира. Но такие сценарии уже не пройдут. Концепции толерантности, мультикультурализма, в общем-то, тоже оказались очень уязвимы. Видимо, нужно воспитывать другого субъекта этого диалога. Это должен быть человек с глобальным мышлением, который синтезировал бы в себе ценности западной культуры и интуицию востока, для которого презумпция ценности традиций стала бы таким же категорическим императивом, как понимание полезности благ цивилизации и модернизации. Но я не уверена, что такой тип человека имеет шансы сформироваться в ближайшее время.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Слово предоставляется академику Валерию Александровичу Тишкову.

В. А. ТИШКОВ: — Не будучи философом, я фактически не пользуюсь такими категориями, как «цивилизация» и «диалог». Я назвал бы нашу секцию не «Свои–чужие», а «Мы и они». Потому что эта фундаментальная оппозиция включает в себя понятие «свой–чужой», но не ограничивается им. Есть довольно упрощенная трактовка, как и почему складывается социальная коалиция. К примеру, этнические группы складываются на основе оппозиции, включая отторжение, неприятие или даже враждебное отношение к другим, к не своим. Тем не менее в этой оппозиции заключен следующий смысл: почему «мы» не такие, как «они»? То есть не отторжение, не неприятие, а гораздо более сложные чувства. Чем мы отличаемся, почему другие?

Но есть и другие элементы: зависти, почтения, комплекса неполноценности. Это можно наблюдать среди групп меньшинств по отношению к большинству, доминирующему над каждым этническим сообществом. Поэтому оппозиция не обязательно строится на отторжении, а тем более враждебности.

Второй момент также заслуживает обсуждения: что такое «мы» и кто такие «они»? Здесь тоже прослеживается внутренняя динамика исторической подвижности. Мы обладаем сложной идентичностью, наша идентичность дрейфует. Есть такое понятие «дрейф идентичности». Граница понятия «мы» проникаемая,

подвижная. Для того чтобы ощущать себя русскими, не нужно иметь татар соседями. Люди одержимы тем, чтобы выделять группы, а потом искать между ними различия. Нас гораздо меньше интересует схожесть, чем различия. Почему-то гуманитариев интересует одержимость различиями, особенно в этнической сфере. В этом смысле понятие сложной культурной идентичности присуще не только народным коллективам. Но есть еще и сложность на уровне индивида. Человек вмещает в себя гораздо больше идентичности, чем мы можем представить. У него есть понятие малой или большой родины. И нет большой родины, если у тебя нет малой. Эти понятия абсолютно не взаимоисключающие. Такой инструментальный подход характеризует современную личность.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Спасибо. Сейчас слово предоставляется Ольге Николаевне Астафьевой.

О. Н. АСТАФЬЕВА: — Абдусалам Абдулкеримович, спасибо за то, что вы дали мне слово после Валерия Александровича, потому что он затронул важную проблему взаимодействия в современном мире национальных и региональных культур. Мне кажется, эта проблема требует всеобщего обсуждения.

В этом контексте я хотела бы поговорить о проблеме «своего» и «чужого» в рамках проектов трех важных документов: Концепции культурной политики, Закона о культуре и Стратегии культурного развития России. После того как мы получили документ о стратегии социокультурного и социально-экономического развития России, мы, наверное, должны были удивляться тем, что культуре там было уделено определенное внимание. На самом деле сегодня общественный запрос на культуру очень велик, и не только в России, но и во всем мире. Разговоры о неэкономических ресурсах культуры, которые способны стать рычагом, стимулом развития территории — это уже устойчивый тренд в мировой политике и во всех документах международных организаций. Конечно, уровень этого интереса различен. С одной стороны, он открывает перед нами перспективы внимания к гуманитарному развитию и гуманитарным идеям. С другой — ставит перед нами очень серьезную конфликтную проблему между тем, как мы понимаем свою культуру и как трактуем чужую, то есть проблему понимания сущности культуры, ценностей «своего» и «чужого» этнокультурного мира. Мы привыкли к стандартным определениям, фиксируя некоторое единство с определенной смысловой организацией всех ее элементов. Относительно единства у нас нет сомнений. Но проблемой для теоретиков и философов является то, как определить смыслы культуры, каким образом понять, что сегодня представляется для нас важным, какая иерархия ценностей и смыслов выстраивается в современном мире. Это проблема концептуализации смыслов будущего развития России, неразрывно связанной с образом культуры, который мы строим, с аксиологическими основаниями, на которых базируется эта концепция, и соответственно со стратегиями, которые выстраиваются на ее основе.

По существу, эти вопросы проблему диалога переводят на другой уровень понимания, связанный с открытостью, переориентированием национальной культуры не только на будущее, но и на переосмысление традиций, понимание их как основы для выстраивания перспектив развития. Идея культурного развития может стать центральной для создания нового открытого пространства, в котором будут сочетаться современные образы культуры и определенные противоречия. Это нормальная ситуация поиска собственной идентичности — локальной, глобальной, национальной.

Вопрос в другом: будет ли та культурная политика, о которой мы говорим, базироваться исключительно на старых ценностях или мы выстроим новый уровень, на который сегодня ориентирована концепция национальной политики? Здесь возникает серьезный вопрос: только государство как субъект культурной политики способно согласовать концептуальные линии, заложенные в концепции национальной политики? На мой взгляд, стратегия перехода к новой культурной политике — это стратегия развития региональных культур с точки зрения идентичности, а не только этнокультурного разнообразия.

В завершение хотелось бы сказать, что сейчас эта тема серьезно обсуждается, потому что проблем в социокультурном пространстве России значительно больше, чем те, которые были обозначены в моем сообщении. Эти проблемы сопрягают культурное и социальное, пересекаются с напряженным социальным полем, и понимание всей этой сложности становится важным условием для выстраивания межкультурного диалога.

В. А. ТИШКОВ: — Спасибо. Это действительно фундаментальная коллизия, посмотрим, как она проявится в сентябре, когда закончится обсуждение Концепции культурной политики России. Она пока не опубликована, разослан последний, третий, вариант. Он стал гораздо лучше, с учетом критики, которая была высказана в открытом письме Института философии РАН, и наших замечаний. Мы не делали публичных заявлений, но представили очень жесткую критику. Мы — это три автора, академика: А. М. Молдован как представитель филологов, А. Н. Макаров — историков и я как представитель Отделения историко-филологических наук. Сейчас этот документ гораздо лучше выглядит, он вынесен на обсуждение (до сентября), и есть возможность по нему высказаться. Но самую глобальную коллизию верно подметили: в этой концепции культурной политики нет того, что есть в государственно-национальной стратегии, — нет понятия российской национальной культуры. Под национальной культурой подразумеваются партикулярно-этнические культуры, а понятие российской культуры как национального феномена отсутствует. Кроме того, полностью отрицается существование массовой культуры, которая связывает нас со всем миром в глобальном пространстве. То есть фундаментальная методологическая слабость в этом документе есть, поэтому я обращаюсь к тем, кто здесь присутствует и до сентября может поучаствовать в обсуждении, — нужно это обязательно сделать.

Слово предоставляется Александру Борисовичу Куделину.

А. Б. КУДЕЛИН: — По отношению к постановке проблемы «Свои–чужие» в глобальном мире у меня всегда возникает вопрос: «А хорошо ли мы понимаем, где свои, а где чужие? И в чем состоит “свойство” или “чужест” того или иного человека?». В 1978 году Эдвард Саид опубликовал книгу об ориентализме. Эдвард Саид — не мусульманин, он христианин, палестинец, прожил большую часть жизни в США. Он выступает как защитник ислама, и его книга — настоящий крик души. Саид демонстрирует вопиющее непонимание европейским миром арабского мира, в том числе мусульманского.

В связи с этим хочу привести некоторые примеры. Начну с самого простого. В советские времена в газете «Известия» была опубликована история, которая могла бы послужить основой для «мыльной оперы»: молодой русский парень в Татарии, как говорят теперь — в Татарстане, влюбился в татарскую девушку, она согласилась выйти за него замуж при условии, что он примет ислам, и он согласился это сделать. И заканчивается эта публикация такой фразой: «Венчаться молодые будут в мечети». Это замечательное подтверждение того, насколько мы, христиане, не понимаем людей, с которыми тысячелетия живем в одной стране, бок о бок. Прежде чем осудить чужих, надо понять, где свои и где чужие, выучить то, что рядом с нами, с чем нам приходится жить.

Вот я хожу по мечети Омейядов в Дамаске, и там находится могила Иоанна Крестителя, которому поклоняются все мусульмане. Представьте себе христианский погост, на котором расположена могила мусульманского святого. Может такое быть? Задайте себе эти вопросы, попробуйте ответить на них и после этого начинайте судить.

В 1980 году Виталий Вячеславович Наумкин, директор Института востоковедения, издал перевод аль-Газали — книгу «Воскрешение наук о вере» (а я был ответственным редактором). Кто-нибудь из сидящих здесь читал этот выдающийся трактат? Там нет ничего из того, что мы представляем себе об исламе, все совершенно наоборот.

Приведу еще один пример. Эмир Абделькадер, возглавлявший Алжир в XIX веке, 30 лет сопротивлялся французским колонизаторам. Затем его предали свои же, отправили в почетную ссылку в Дамаск. Там началась резня христиан. И он несколько тысяч христиан защитил от резни, потому что «мы, мусульмане, стариков, детей, женщин не позволяем убивать без суда и следствия». Потом его как национального героя привезли во Францию и вручили ему орден Почетного легиона — человеку, который 30 лет воевал с французскими колонизаторами. И если мы будем чаще обращаться именно к таким фактам, то будем устанавливать действительно подлинный диалог. Не буду повторять свой доклад, но, в частности, хочу сказать, что там упоминается термин «авраамический монотеизм». Он идет, между прочим, от философа Владимира Соловьева, у которого есть блестящая работа «Магомед», показывающая сходство этих религий.

А. П. НАЗАРЕТЯН: — Термин «авраамические религии», которые восходят к патриарху семитских племен Аврааму и в той или иной мере признают Священное Писание Ветхого Завета, принадлежит Соловьеву?

А. Б. КУДЕЛИН: — Да, Соловьев об этом говорит. Он показывает сходство религий. Хочу подчеркнуть, что прежде чем мы будем говорить «свои» и «чужие», давайте попытаемся разобраться. Если внимательно изучать чужие культуры, то выяснится, что очень многие вещи, которые мы приписываем нашим оппонентам, на самом деле являются плодом нашего ошибочного восприятия. Это очень трудная работа, но только она, на мой взгляд, может выступать основой нормального диалога. Поэтому давайте не будем «мирно» бомбить чужие города и сопротивляться тому, что люди защищают свою культуру.

В. А. ТИШКОВ: — Александр Борисович, то, о чем вы говорите, в психологии называется проекцией, это защитный механизм личности и культуры. Спасибо. Слово предоставляется Ольге Анатольевне Жуковой.

О. А. ЖУКОВА: — Уважаемые коллеги, позволю себе отреагировать на состоявшиеся вчера и сегодня выступления. Вчера в возникшем поле интеллектуального напряжения в буквальном смысле «подвис» вопрос: а с чем идти в будущее? Какова его идея? Разумеется, не ответив на вопрос о том, что представляет собой реальность, как она может быть описана, мы не сможем сконструировать идею будущего. Вчера обсуждение проблемы диалога культур в общем-то свелось к двум сценариям: диалогу в условиях войны и мира — очень часто звучала эта емкая формула. Вопрос в том, кто организует или кто принуждает или навязывает мир или войну. «Принуждение к миру» сейчас звучит уже так привычно для уха после событий 2008 года. Кто эти агенты войны и мира? Они все те же, что и в эпоху модерна, когда развернулись две самые страшные войны на европейском континенте, — это державы и властные элиты, преследующие свои интересы, или глобализирующиеся в постиндустриальном мире, если использовать терминологию философии, социологии и культурологии. Сегодня эта конфигурация меняется. Собственно, кто творящий субъект современной истории? Степень развития современной цивилизации характеризуется как информационное общество, когда знание и информация являются самым дорогим товаром. И мы можем констатировать следующее: рынок производителей информации начинает конкурировать с рынком потребителей информации. Новый глобальный игрок — это пользователь медиа, которые стали тотальными по своему инфраструктурному охвату. Этот игрок добавился к уже существующим глобальным игрокам — политическим, экономическим субъектам, осуществляющим исторический процесс.

Возникает вопрос: насколько свободен этот пользователь медиа или он все тот же объект манипуляций,

в первую очередь массовой культуры, поскольку мы с вами все-таки описываем состояние современности? И здесь рождается такая ассоциация. У Ирины Викторовны возник образ традиционного общества, а я бы сказала, что это традиционное общество очень напоминает древневосточную деспотию. Потому что главный актор современности — экономические, политические игроки, которые реализуют свой субъектный интерес, а именно — стремятся к господству и сохранению такого социального порядка, который обеспечивает им их доминирование. Это даже не идеократия, это ближе к очень явной форме деспотии, о контурах которой мы с вами должны задуматься. Сегодня, в условиях глобализирующегося мира, колоссальная энергия человеческих масс успешно канализируется с помощью неизменяемой триады «власть, насилие, деньги» (в данном случае деньги можно рассматривать в широком смысле — как ресурсы). Мы видим, что декларируются ценности всемирной демократии, но при этом механизмы контроля и управления сосредоточены в руках отдельных политических и бизнес-элит. А вот издержки борьбы этих правящих элит в буквальном смысле слова списываются на народы и культуры: за все отвечают народы и культуры. Примеры такого вторжения в суверенные пространства культур и народов очевидны, они приводят к тяжелым последствиям — к варварству, архаизации. Если брать уровень культуры, то это огромное количество утраченных культурных ценностей в наши дни, не говоря уже о временах Первой и Второй мировых войн.

Мы должны констатировать и еще один факт. Информационное публичное пространство, которое создается так называемый универсализм современной цивилизации, тоже приватизировано, или, если хотите, узурпировано, и находится под тотальным контролем. В этом смысле глобальное коммуникационное пространство поделено, сегментировано и также является полем и ареной конкуренции, соперничества и конфликтных столкновений. Кто формирует этот образ реальности? В первую очередь, конечно, политика в идеологическом контексте. И здесь налицо две коммуникационные стратегии — соперничество и сотрудничество. Крайние их точки — конфликт и стратегия продуктивного сотрудничества (обозначим ее как диалог). И вот тогда возникает собственно эта оппозиция «свой–чужой». В этих двух коммуникационных стратегиях, если мы говорим о конфликтной версии, «своему» противопоставлен «чужой». Если мы говорим о диалоговой стратегии, то «своему» противопоставлен «другой». Проблема в том, что культивируется в этом публичном пространстве, какая установка на восприятие «другого». Уже было отмечено, что сегодня в буквальном смысле слова возникают «призраки» прошлого, несущие упрощенную, однослойную интерпретацию картины мира, которая примитивизирует образ реальности. Не только примитивизирует, но и в значительной степени искажает.

Мы видим, что информация, конечно, это характеристика массового общества. Человек массы — такая невыделенная личность, но обладающая индивидуальными характеристиками, в том числе и своим индиви-

дуальным психологическим и информационным пространством. По отношению к этому индивиду, не выделенному в массе, тем не менее, осуществляется все та же классическая форма насилия, которая сегодня имеет и свою информационную ипостась. То есть работа идет в первую очередь с массовым сознанием, в котором активно конструируются модели мира (конструируются, подчеркну, в определенном дискурсе). Крайние противопоставления в этой формуле «свой–чужой» приводят в буквальном смысле к войне дискурсов. И вообще все, что сегодня можно сказать о характере ведения информационной войны, — это, скорее, именно война дискурсов. Информационная война идет на уровне массового сознания и, конечно, использует инструментарий массовой культуры.

Здесь возникает следующий вопрос: а кто является кредитором базовой идеи, в рамках которой формируются эти массовые представления? Кто кредитор мнения? Кто, если хотите, эксперт в истине? Кто взял на себя эту роль, эту миссию? В данном случае нужно говорить о том, что для современных медиа они являются репрезентантами все тех же интересов глобальных игроков. Буквально в последние два года мы стали свидетелями «цветных» революций, которые устраиваются как сетевые революции. Последний пример — реакция премьер-министра Турции Эрдогана на активность пользователей в сети и попытка закрыть «Твиттер» и YouTube, которая не увенчалась успехом, потому что Конституционный суд запретил ему это делать. Тем не менее мы видим, насколько серьезно воспринимается медийный инструментарий для создания и разрушения социального порядка.

И мы не можем дистанцироваться от той сложной ситуации, которая возникла на Украине, мы погружены в этот информационный контекст и видим простую корреляцию, которая свидетельствует о состоянии массового сознания: степень агрессии напрямую зависит от степени незнания предмета. Так, социологическое исследование показало, что чем хуже респонденты западного, американского, мира знают, скажем, где географически находятся Крым и Украина, тем скорее они готовы проявить агрессию и тем жестче требуют наказать Россию.

Что мы как гуманитарии, являющиеся носителями и хранителями высших истин, можем сделать в такой ситуации? Мы можем бороться за человека, по крайней мере взять на себя эту задачу. На теоретическом уровне можно говорить о формуле эффективных социальных коммуникаций, которую можно расшифровать как формулу гармонизации политико-культурных отношений, — то, что, в общем-то, укладывается в формулу устойчивого развития. И здесь как раз исходная формула «свой–чужой», за которой просматривается, как справедливо сказал Валерий Александрович, более фундаментальная, рожденная языческим сознанием формула «мы и они», должна быть перекоммутирована в «свой–другой». Только в этом случае она существует как некий диалог и установка на восприятие «другого» как «своего–иного». Таким образом, остается только изменить дискурс современных медиа, чтобы заработала не конфронтационная,

а диалоговая формула. Но здесь мы, конечно, оказываемся пока еще в состоянии гуманистов-утопистов, взывая к вечному миру по-кантовски или к ненасилию по Махатме Ганди. Тем не менее, мне кажется, это гуманитарно-гуманистическое требование должно стать реальной политической стратегией. В противном случае от войны дискурсов мы действительно перейдем к настоящей войне.

В. А. ТИШКОВ: — Слово предоставляется Аркадию Львовичу Маршаку.

А. Л. МАРШАК: — Наверное, как и все присутствующие в этом зале, я нахожусь под впечатлением от вчерашнего пленарного заседания, выступления на этом заседании группы ученых. И я для себя сделал следующий вывод: во-первых, диалог, который произошел вчера, состоялся; во-вторых, были высказаны две принципиально противоположные точки зрения. Одни выступающие говорили о том, что диалог необходим, что это определенная форма существования цивилизационного общества, его развития, а другие отрицали диалоговую форму обсуждения, и некоторые даже упоминали о том, что диалог — это какая-то архаика, с которой нужно решительно покончить для того, чтобы двигаться дальше, вперед. Отвечая на аргументы последних, я хотел бы, перефразировав высказывание одного политического деятеля XX века, сказать, что диалог, может быть, не совсем совершенная форма, но лучшего ничего не придумали. Он существует, он есть и будет дальше развиваться. При этом, как мне представляется, существуют по крайней мере три фактора, которые определяют диалог как данность.

Первый — это экономический фактор, который приводит к расколу нашего общества, к появлению определенной группы богатых людей, презирающих всю остальную массу населения, низводящих ее до нищенского положения и состояния второстепенной группы рода человеческого. Вчера Жан Терентьевич Тощенко приводил результаты социологического исследования, согласно которому за прошедшее десятилетие произошел резкий скачок роста очень богатых людей и их отрыв от остального населения.

Второй фактор — культурный. Это возникший еще в 70-е годы XX века культурный раскол между различными слоями населения, который также выдвигает необходимость диалога.

И, наконец, третий фактор — мировоззренческий, который сегодня проявляется с особой силой и тоже способствует расколу нашего общества.

Далее в своих рассуждениях и выводах я буду опираться на данные социологических исследований (я представляю небольшую группу социологов). Хочу только отметить, что реальность диалога во многом определяется лежащей в его основе теорией, в том числе и интерпретирующей причины усиления напряженности в системе «свой–чужой». Реакция на события на Украине, в частности связанные с вхождением Республики Крым в состав Российской Федерации, во-первых, дает повод говорить о культурной

идентичности как мировоззренческой основе дихотомии «свой–чужой», ставит проблему выработки новых символов и образов социокультурной идентичности; во-вторых, показывает роль и место интеллигенции в поиске консенсуса между различными социальными силами, в том числе и между властью и обществом.

Преодоление различий между «своими» и «чужими», снижение пафоса непримиримости между «мы» и «они» предполагает разрешение межэтнических и межнациональных противоречий, в том числе связанных с переживанием этносами исторической несправедливости, психологической несовместимости. В этих процессах значительную роль играет уровень развития религиозной культуры общества. Приведу в связи с этим один пример, отвечая на выступление профессора Куделина. Я живу в Москве в спальном районе, где в соответствии с идеями Русской православной церкви строятся новые православные храмы. Эту работу возглавляет в прошлом атеист, а сегодня церковный угодник господин Резин, который старается услужить Русской православной церкви. С одной стороны, в этом ничего плохого нет — действительно в свое время было уничтожено огромное количество храмов. Но, с другой стороны, построили наш храм, нарушив все каноны православного вероисповедования. Во-первых, храм построен в низине, а над ним возвышается развлекательный центр под названием «Ханой». Во-вторых, этот храм строили гастарбайтеры-мусульмане с присущим им, так сказать, видением высоты, и они положили вокруг этого храма камни, которые мы видим в любом их построении, мечети и т. д. Храм, тем не менее, освятили, и теперь там проводятся службы. Я думаю, что у истинных православных людей это вызывает в некотором роде негативное восприятие.

И последнее: дихотомия «свой–чужой» остается главным конструктом развития в глобальном мире, но мировоззренческим условием ее модификации является национально-культурная идентичность, способная снимать враждебность даже в крайних формах противостояния.

В. А. ТИШКОВ: — А вот отец Феофан мне как-то говорил, что он гордится тем, что строить храмы на Северном Кавказе ему помогали местные жители — мусульмане. И толерантность заключается как раз не в том, что христианин терпит рядом мечеть, а мусульманин терпит рядом православную церковь, а в том, что один помогает другому возводить его храм.

А. Б. КУДЕЛИН: — Я видел в Кордове сооружение, которое называется Месquita — Кордовская соборная мечеть. Это наполовину мечеть, наполовину кафедральный собор. Там проходят службы, в которых участвуют и католики, и мусульмане. Причем сами испанцы, как настоящие, верные католики, отмечают, что мечеть сильнее в архитектурном плане, чем христианская часть. Перед входом по-арабски написано «Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа» — потому что христиане, которые первыми вошли сюда после того, как часть

мечети переделали в христианский собор, не говорили на романском языке.

В. А. ТИШКОВ: — Слово предоставляется Маргарите Вениаминовне Силантьевой.

М. В. СИЛАНТЬЕВА: — Я знаю похожую историю, когда в Бурятии храм Святителю Николаю помогали строить представители Агинского дацана. Ну и Агинский дацан, соответственно, получал, когда было нужно, материальную поддержку со стороны православных христиан. Так что, я думаю, дихотомия «свой–чужой» на самом деле может быть рассмотрена значительно глубже, чем только как антрополого-социальная категория, и здесь мне хотелось бы вернуться к истине.

Вчера у господина Петренко прозвучало выражение, что истина — это устаревшая гипотеза. Здесь можно, конечно, вспомнить и Ницше с его тезисом «Бог умер», где имеется в виду именно истина и смысл, но не могу не присоединиться к тем коллегам, которые с этим спорили. Это во многих выступлениях и сегодня прозвучало — все-таки человеческая социальная организация не может не учитывать ценности и смыслы.

Если говорить о ценностях, то у меня есть на этот счет такое соображение, которое я про себя называю «казус Эвелин Манделы», по имени супруги выдающегося политического лидера, можно даже сказать, религиозного героя борьбы за национальное определение чернокожего населения Южной Африки. В свое время, в 1990-е годы, на слуху был крупный скандал, и я сама слышала по радио эти жуткие истории о холодильниках, заполненных детскими трупами. На некоторой части африканского континента до сих пор существуют глубокие национальные традиции по поддержанию молодости и силы за счет специфических ритуальных действий. Мы знаем, что российские криминологи оказываются очень востребованными там, потому что местная полиция не берется за такие дела. Скажем, сохранились племена, где для того, чтобы пошел дождь, приносят в жертву семилетних мальчиков. Местное население отказывается принимать участие в поисках таких жертв, потому что оно включено в эту систему ритуальных практик. А некоторые несчастные родители, которые не включены так глубоко в традиции и которым жалко своих детей, просят помочь российских криминологов. И действительно, иногда детей находят, и даже живых. Я привела этот пример для того, чтобы показать, что ценность традиций тоже бывает разная, и если мы хотим на самом деле говорить о ценностях, то следует понимать, что дихотомия «свой–чужой» должна работать на определенном уровне.

Несколько слов о философских основаниях, упоминающихся, с моей точки зрения, в вопрос о том, что такое смысл. Это естественно, поскольку я следую традиции, уходящей корнями в то, что мы сегодня считаем основой европейской цивилизации. Это древнегреческий взгляд на смысл как на *логос*. Собственно, хочу сказать об этом смысловом понимании, мо-

жет быть, немного оппонировав тому, что говорил профессор А. Б. Куделин по поводу науки. Я думаю, что если филология — наука строгая, то философия — тоже наука, только веселая. В этом смысле мы должны приветствовать не невежество, а некоторую способность посмотреть со стороны на конкретные вещи. И действительно, конкретная вещь — наличие своеобразной последовательности, как вчера прозвучало, своей логики в позиции представителя, скажем, арабской культуры по сравнению с культурой христианской. Хотя даже здесь существует распространенная сегодня дихотомия массового сознания. На самом деле общих точек соприкосновения довольно много. Смысл и логос в таком практическом применении — это и есть понимание, общее для всех людей, потому что они — люди, потому что они могут быть причастны смыслу.

Теория, строго говоря, — это видение, причем такое, когда не просто смотришь, а понимаешь. Здесь можно говорить о реализме такой позиции. Мы сначала солим суп, в результате чего он становится соленым. Дальше можно идти, отрываясь от операциональных вещей, уходя в глубь вопроса о том, что такое смысл. И здесь теоретические рассуждения, как мне кажется, всегда лежат в глубине любых рассказов о важных практических событиях, потому что наш рассказ опирается на то, как мы видим и понимаем. Важно умение увидеть чужого как не просто другого, а как совсем другого. Это и особое отношение к смыслу, который выше, чем наши конструкции и модели. Если мы все сведем к нашим конструкциям и моделям, то будем вечно продуцировать своих оппонентов.

И здесь я хочу солидаризироваться с уважаемым Абдусаламом Абдулкеримовичем, потому что сама постановка проблемы выглядит немного забавно — где этот глобальный человек? В реальности его нет. Но если мы совершенно оторвемся от этой позиции, если потеряем веру в возможность «всечеловека» (пусть даже в форме религиозного идеала), то утратим даже надежду на то, что есть общая платформа для взаимопонимания. Мне кажется, сегодня в образовательном пространстве происходит ужасная партикуляризация, которой действительно может сопротивляться определенное сообщество. Я далека от мысли, что оно строится по гендерному или возрастному принципу. Это сообщество людей, понимающих тех, кто любит и верит в истину. И я очень благодарна, что Гуманитарный университет профсоюзов создал площадку для такого взаимопонимания.

В. А. ТИШКОВ: — Спасибо. Слово предоставляется Светлане Николаевне Иконниковой.

С. Н. ИКОННИКОВА: — Уважаемые коллеги, я, как питерский человек, благодарю всех, кто пришел и с кем можно повидаться. Здесь все «свои». Это удивительная идентификация, которая поддерживает хорошее настроение и способствует эмоциональным, интеллектуальным и иным отношениям. Поэтому «свой», конечно, лучше «чужого». «Чужой»

может стать «своим», но для этого ему нужно пройти определенную дистанцию, чтобы освоить те правила, требования и свойства, которые есть у «своих».

Очевидно, этот процесс происходит во всем мире, потому что биполярность, на которой основана идентификация, — всеобщая. Свое выступление относительно взаимодействия поколений я назвала иначе, чем «свой–чужой». Это «другие», но не «чужие». Потому что дать эмоциональную оценку «других» как «чужих» — это значит вступить в ту борьбу, сопротивление, которое вызывает совершенно определенные последствия.

Поэтому первый тезис, который я хочу огласить, заключается в опасности идентификации в определениях «свой–чужой». Идентификация, как и любое определение, обладает эмоциональным накалом. Потому что если ты стал чужим, то как бы ты ни бился, все равно им останешься в том сообществе, которое тебя отвергло. Поэтому относиться к проблеме разделения на «своих» и «не своих», «наших» и «не наших» надо с большой осторожностью.

Второй тезис связан со взаимодействием поколений. Мы как-то давно не обращались к этой теме. Периодически мы, конечно, говорим о разных поколениях и взаимодействии между ними, однако в печати, публикациях, социологических исследованиях эта тема обсуждается с осторожностью. Но хорошо, что все-таки начали исследовать, чем отличаются поколения и как они ведут себя, кто из них является уважаемым идеалом, а кто остается непонятым, неизвестным, неопределенным, с надеждой на будущее, но пока еще не заявившим о себе в полной мере. И здесь у меня возникает целый ряд вопросов, связанных с процессом взаимодействия поколений. Слава богу, в российском обществе нет жесткого противопоставления «своих» и «чужих», особенно среди старшего поколения, которое выросло в других условиях и социальных установках, отличается своим режимом взаимодействия, узнаванием друг друга и определенной идентификацией принадлежности к поколению, как правило, очень дружескому. Даже в пределах одной возрастной категории всегда сопоставляется круг знакомств, друзей, которые были в прошлом и поддерживаются в настоящем. Однако у современного молодого поколения, я говорю о студенчестве и молодых специалистах, так происходит не всегда. Здесь велика степень противостояния и мала доля общности. Может быть, мы сами виноваты в том, что такие сообщества развалились или не поддерживаются молодыми людьми. В каком-то смысле такими «скрепами», как любят сейчас говорить, являются волонтерство и разные добровольные службы, но они так плохо организованы (за исключением, может быть, Олимпиады), такие вялые, малопродуктивные, что я не знаю, есть ли у них перспективное будущее, если они будут развиваться самостоятельно, без определенной государственной поддержки.

Третье — это Болонский процесс, который якобы совершается в нашем высшем образовании, но на самом деле таковым не является. Некоторое время назад я была экспертом по анализу организации пятидесяти вузов Германии и их включенности в Болонский про-

цесс. Болонский процесс основан на либерализации учебного процесса, предполагающей составление индивидуальной карты и основанной на личном выборе учащимся тех предметов, которые предлагает вуз. Это совсем другое, чем у нас. То есть мы сами разрушаем некоторые элементы действительности, которые способствуют формированию «своих».

Ну и, наконец, последнее — это определение перспектив того общества, в котором мы живем. Я не отношусь, как и все здесь присутствующие, к олигархам, но меня коробит, когда начинается критика всех без исключения богатых людей, что они нажили незаконно свое имущество и пр. В частности, в Петербурге есть человек, так сказать, высокого служения, олигарх Виктор Вексельберг, который создал в своем владении музей Фаберже, открыл его для всех и содержит на свои деньги. Мне кажется, можно увидеть позитивные моменты во многих богатых людях, а не делать их «чужими» или «иными», почти врагами, и т. д. Я считаю, это было бы толерантно и правильно.

В. А. ТИШКОВ: — Слово предоставляется академику Абдусаламу Абдулкеримовичу Гусейнову.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Уважаемые коллеги, как только мы начинаем говорить о культуре, о взаимодействии культур, мы, конечно, вступаем в область большой неопределенности. Но, возможно, понятие культуры ценно и играет позитивную роль отчасти именно потому, что остается неопределенным, в него можно вкладывать разные смыслы и подвергать разного рода конкретизациям.

Разумеется, взаимодействие культур очень разнообразно, здесь можно выделить много аспектов, но я хочу зафиксировать ваше внимание на главной идее круглого стола — на взаимодействиях культур или людей, принадлежащих к разным культурам. Есть такой момент, когда различие культур становится аргументом для их вражеского противостояния, когда именно различия культур и апелляция к ним выдвигаются в качестве оснований для противопоставления по принципу «свой–чужой». Конечно, «свой–чужой» можно по-разному определять, но когда мы характеризуем кого-то как «чужого», мы тем самым как бы включаем его в орбиту наших отношений как того, с кем мы должны бороться. Это, может быть, лучше, чем вообще не знать его и т. д. Об этом можно долго рассуждать, но есть исторически выработанный и многократно проговоренный и продемонстрированный смысл, который все понимают. Чужой — это тот, каким мы не хотели бы быть; этот тот, с кем мы боремся; тот, кого мы должны победить. И значит, во взаимодействиях культур есть элемент, когда различие культур становится аргументом для подобного вывода. Отсюда возникает вопрос: действительно ли культуры в их различиях, в их многообразии, соприкасаясь, дают основание для того, чтобы людей делать «своими» и «чужими»?

Я считаю по-другому: противопоставление «своих» и «чужих» предшествует взаимоотношениям людей как представителей культур, и это изначально

противопоставление является следствием того, что мы смотрим на какую-либо культуру как на «чужую». Об этом говорилось в знаменитой книге «Ориентализм» — какими глазами надо смотреть на восточную, в частности исламскую, культуру, чтобы увидеть то, что обычно там видится. Достаточно вспомнить, как рисовали образы Мухаммеда в Средневековье, и многое другое. Когда я своим коллегам рассказываю, что в Тегеране сейчас есть синагоги, еврейские общины и иудеи в отпавлении своей веры не испытывают никаких ущемлений, мне не верят, потому что это никак не вяжется с исламским фундаментализмом. И поэтому я ставлю такой вопрос: если мы признаем разнообразие культур как ценность, как благо, дайте мне в теории точку, исходя из которой можно это принять, что это есть благо. Моя мысль: исходя из одной культуры, невозможно найти такую точку, вы обязательно разделите на «своих» и «чужих». А где же транскультурная позиция? Давайте обратим внимание на то, в каком мире мы живем. Что это за мир? Он глобальный, единый, то есть становится или уже стал единым. Какое из этого вытекает следствие для нас, людей, которые рассуждают о понятиях культуры, хотя бы выяснить, как культуры соединяют или разделяют людей? Возникает простая мысль: если это мир глобальный, то он принадлежит всем людям, которые живут в этом мире, — всем мужчинам и женщинам, взрослым и детям. И другого смысла вы не найдете. Александр Петрович говорит, что природное единство разделяет нас.

А. П. МАРКОВ: — Разделяет гораздо больше, чем культура.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Конечно, оно разделяет, ставляет нас бороться за свое жизненное пространство и т. п. Но я говорю о том, что если вы всерьез принимаете идею глобального мира, тогда нужно понять и принять, что природное единство перестает быть таковым, оно становится культурным императивом, историческим фактом. И это дает нам совершенно другую перспективу.

Вы говорите о том, что взаимодействие культур не может быть без противостояния, насилия, что одна культура должна быть выше, другая — ниже, эта мысль все время присутствует. Более того, указываете на то, что у христианства нет запрета на насилие, а есть требование прощения.

А. П. МАРКОВ: — В христианстве содержится не просто запрет — оно предлагает механизм преодоления насилия.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Это Моисей призывал «Не убий». А в христианстве есть прощение — более высокая ступень человеческого развития, но она предполагает запрет на насилие. Конечно, это в определенном смысле возвращение. Эта ступень будет востребована в постглобальном мире. А мы пока живем в глобальном мире. И моя мысль проста: люди, принадлежащие к разным культурам, не будут вступать в отношения «свой-чужой», если изначально примут,

что в этом мире уже нет «чужих», все «свои». Вот это надо понять, принять и каким-то образом диалектически выразить и закрепить. Вы говорите, что не хотите никуда бросать якорь. И я не хочу. Но вы же видите миллионы людей, которые бросают якорь, которые приезжают сюда, живут с нами, другие люди, наоборот, уезжают. Посмотрите, сколько русских в Чехословакии и других странах. Не обязательно эти люди изменяют своей почве, просто даже способы обитания людей, их распределение меняются в этом мире. И наша задача это осмыслить в перспективе того, как нам жить вместе и не убивать друг друга. Это не следствие, если мы это будем рассматривать как следствие принадлежности к какой-то культуре, то мы ничего не добьемся. Это предпосылка, исходя из которой мы можем взаимодействовать как люди разных культур. Тогда все получится, и у нас будет другое отношение к самой культурной идентичности — что это не проклятье, а культурная идентичность, которая вписана в рациональную повседневную жизнь человека, тоже меняется, может быть. Здесь уже говорили, что форм идентичностей и способов их взаимоотношений много, но для того чтобы все это продуктивно работало, у нас должна быть какая-то другая исходная позиция. Это основная мысль, которую я хотел выразить.

А. Б. КУДЕЛИН: — Спасибо большое, Абдусалам Абдулкеримович. Слово предоставляется Владимиру Сергеевичу Глаголеву.

В. С. ГЛАГОЛЕВ: — Я хочу сказать, что заявленная мною тема предполагает обсуждение этико-религиозного наполнения категорий «свой» и «чужой» в современных политических конъюнктурных процессах. Соответственно, здесь мы пересекаем ту демаркационную линию, которая была вербально провозглашена, но незаметно постоянно нарушалась: никакой политики, потому что прекрасные «пушистые» люди, простите за это сравнение, ходили вокруг блюда с горячей кашей — политикой, стараясь по возможности не обсуждать политические вопросы в данной аудитории. А между тем возникает вопрос — почему? Говорится о проблеме новой программы, касающейся культурного развития нашего Отечества. Но ведь экономическая стратегия, демографическая политика, система образования, культура, социальная система, в конце концов налаживание этнонациональных отношений — все это приобретет содержательное наполнение только тогда, когда будут деньги и люди, не ворующие эти деньги, когда будут созданы соответствующие структуры, которые станут последовательно реализовывать многолетнюю программу действий.

Меня волнует момент, связанный с этнической организацией современного общества. Приведу пример: в 1992 году гвардейцы Китовани с благословения центральной грузинской власти на танках въехали в город Сухум. У меня там были друзья — как абхазы, так и грузины. И вот два очень культурных, интеллигентных сотрудника общества «Знание», один мегрел, другой абхазец, зависимые друг от друга по работе — один из них пользовался патронажем другого и достаточно

преуспел в своей карьере благодаря этому патронажу, — находятся на противоположных сторонах улицы и не подходят друг к другу, потому что ситуация изменилась и этногрупповые структуры контролируют поведение того и другого. А я выступаю в качестве парламентаря, поскольку они оба — мои друзья (иду к одному, потом подхожу ко второму), такая челночная дипломатия. Я не Киссинджер, конечно, у меня нет таких больших претензий, но люди друг друга не слышат — не потому, что глупые или ограниченные, а потому, что групповой этнос дал команду и сформировал свои позиции. И мера включенности, зависимости определяет их поведение.

Я стараюсь показать, что политика — это дело, которое затрагивает всех. Воспользуюсь здесь формулой Ильи Григорьевича Эренбурга, написавшего: «когда я получаю письмо от ближайшего друга и газету, я сначала читаю газету, а письмо от близкого друга потом, потому что в газете могут быть новости, которые касаются моей судьбы, касаются судьбы моего друга и, может быть, судьбы всего человечества».

Приведу второй пример, может быть, более ранний по времени, но опять-таки лично пережитый. Это некоторая реальность, связанная в том числе и с этнокультурными процессами современности. Город Хасавюрт лет, наверное, за 14 до появления там генерала Александра Лебеда, подписавшего известное соглашение. Я оказался здесь его предшественником, правда, по другой линии. Местный житель, не буду называть его этническую принадлежность, рассказывает об обычаях своей общности, связанных с поддержанием авторитета рода, когда оскорбили девушку из этого рода. Авторитет на протяжении столетий поддерживался очень просто — обидчика убивали. И после каждого такого убийства начинался виток кровной мести. Но пришла советская власть и стала расстреливать соучастников кровнородственной мести. Расстреляла раз, расстреляла два, и руководители групп, авторитеты, задумались, потому что убивали самых молодых, самых горячих, самых воинственных, самых важных мужчин, надежду рода. Что делать, как быть? Собрали совещание (рассказываю подлинную историю), приняли компромиссное решение — на первый раз обидчика не убивать, но лишать его чести, то есть самой важной части мужского достоинства, после чего эту часть проворный мальчик, забравшись на самое высокое дерево, на самую тонюсенькую ветку, которая может его выдержать, привязывает и закрепляет — достать практически невозможно. Утром все селение знает, кого оскорбили, это смертельная обида. У обиженного два варианта: либо бежать от позора, потому что это огромный позор, либо остаться, тогда его зарежут, тут уже никакие законы не защитят.

Кстати, эти традиции описаны в той части «Архипелага ГУЛАГ», которую не все дочитывают. Солженицын предельно обстоятельно рассказывает о судьбе чеченского мальчика и благотворной роли совета старейшин, который постановил не включать в цепочку кровной мести этого школьника, мальчика, потому что он, что называется, ни при чем и убивать его нецелесообразно (там опять-таки было убийство на родовой

почве со всеми вытекающими последствиями). Вот такого рода проявления начнут усиливаться, когда будут ослабевать скрепы и влияние государства. А способы выживания, сотрудничества и взаимодействия людей, которые лишены, в общем-то, национальной государственной поддержки и могут реализовать себя только на основе принципа «своя рубашка ближе к телу» («своя рубашка» по крови, «своя рубашка» по доверию, «своя рубашка» по отношениям, которые сложились в этой этнической группе), — эта проблема, по моему, заслуживает большого внимания, в том числе и со стороны ученых.

А. Б. КУДЕЛИН: — Слово предоставляется профессору Андрею Евгеньевичу Зимбули.

А. Е. ЗИМБУЛИ: — Большое спасибо организаторам за прекрасно организованную конференцию. Особенно радует, что доклады были заранее размещены на сайте и с ними можно было ознакомиться. Я хочу отреагировать на то, что вчера и сегодня прозвучало в выступлениях. Все призывы замечательные: культура, свой лучше чужого, надо жить лучше. У Тэффи есть замечательный рассказ «Свои и чужие», где «свои» обижают, а «чужой» неинтересен, на «чужого» не реагируют.

Существует много определений культуры. Мне созвучнее всего объяснение, данное Степиным, что культура — это генотип социальной жизни, и Чавчавадзе — что это внутренний смысл человеческой деятельности. Есть разные культуры и субкультуры, в том числе паразитирующие. Можно воспринимать незнакомого, «чужого» не как угрожающего, а как экзотически влекущего, может быть, конкурирующего. Я могу, как призывал Кант, благоволить ко всему миру, но рядом со мной объективно находятся конкуренты, настроенные враждебно, относящиеся ко мне как к «понаехавшему» (особенно если учитывать мою нерусскую фамилию Зимбули). Здесь я не русский, а в Греции — не грек. Как мне быть? Я хочу жить здесь и хочу, чтобы здесь стало лучше.

Мне понравились многие выступления. Диалог с отшельником, интересным человеком, мне понятен, с ним мне было бы проще общаться, я стал бы духовно богаче, чем вести диалог с коррупционером, исламским фундаменталистом, грабителем, пиратом. Отец моей студентки был капитаном корабля, захваченного сомалийскими пиратами, он погиб. Действующие в наше время пираты — это субкультура. Кто с ними должен вступать в диалог? Я не знаю. Возможно, это должен быть диалог оружия. Всем нужны мир, гармония обычной человеческой жизни, даже Виктору Конюхову обычная жизнь нужна. А продавцу оружия или организатору наркотрафиков нужно что-то другое, а не обычная гармония и простая человеческая жизнь. А как с ними общаться — с наркоманами и с теми, кто их снабжает?

Мир состоит из разных людей. Но, на мой взгляд, разнообразия не должно быть слишком много, и кому-то следует ограничивать себя. Культура должна быть умной, сильной, совестью. И совесть должна помогать

нам, может быть, ограничивать друг друга, самих себя. Даже дети знают, что свобода размахивать руками заканчивается там, где начинается нос соседа. И нужно придерживаться этого императива. Кстати, у Аристотеля, Канта и Достоевского звучали близкие высказывания, что долгие годы мирной, сытной и спокойной жизни разобщают и развращают людей. Хотя понятно, что война — это плохо.

Культура не бывает чужой. Определенные структуры бывают враждебными, необъективными и деструктивными. И, наверное, необходим коллективный подход к решению проблемы — группироваться со всеми. На остановке в Петербурге, где я сажусь в трамвай, недавно обновили павильон: раньше был стеклянный, сейчас — красивый металлический. Но по секрету мне сказали, что фирма, которая поставляет металлические павильоны, видимо, сама посылает людей разбивать стеклянные. Это тоже своеобразная субкультура.

Кроме мира, доброжелательности, совместного решения проблем, культуры, в которой мы сосуществуем (в разных долях и в разных ролях), нужно признать, что этого мало: надо еще выстраивать взаимоотношения. И предполагается, что в этих взаимоотношениях нужно, кроме взаимного уважения, проявлять и принципиальность.

На недавно проведенной конференции по толерантности в СПбГУ говорили, что толерантности в нашем мире мало, что толерантность — от безразличия. Из раскритикованного на пленарном заседании кодекса строителей коммунизма что-то, наверное, можно взять, потому что себя нужно уважать и требовать уважения от соседей, но в первую очередь начинать надо с себя и применять к окружающим.

Существуют разные субкультуры, разные типы личностей: жулики, наивные люди, шарлатаны, труженики, паразиты, люди, склонные, как сейчас говорят, все купить и продать (так говорят о молодежи). Недавно в кинофильме я увидел младшеклассников (3–4-е классы), которых завели в комнату и сказали: «Стреляйте. Стреляешь направо — попал в мишень, получаешь деньги, налево — получаешь не ты, а класс». Им уложили эксперимент, заявив: «Посмотри, как стреляли до тебя твои одноклассники». При этом обманули, что большая часть стреляла для себя. Показывали мучения детей.

Сегодня в новостях в Интернете увидел сюжет, что где-то спилили поклонный крест. Никаким кумирам не поклоняйся и ничьих святынь не оскверняй. В этом настоящий смысл человеческой деятельности. Если мы будем жить так, то всем нам будет лучше.

А. Б. КУДЕЛИН: — Благодарю Вас. Слово предоставляется профессору Галине Григорьевне Коломиец.

Г. Г. КОЛОМИЕЦ: — Я тоже хочу начать с примера. На мне украшение, привезенное из Якутска, это своеобразный якутский амулет. Когда я его надела, то меня спросили: «Что это означает?». Я знаю, что конский хвост — символ для якутов. И мне говорят: «Как же Вы, Галина Григорьевна, русская, православная, надели языческое, чужое?».

Эстетика повседневности, на которую мы подчас не обращаем внимания, играет важную роль. Мне пришлось долго объяснять. Философ — тоже человек, и ничего чувственное, эстетическое в повседневности ему не чуждо, и этим тоже надо заниматься.

Прочитав тексты докладов, размещенные на сайте, я сразу обратила внимание на то, что мне близка мысль, представленная в статьях Светланы Николаевны Иконниковой и Ольги Прокофьевны Зубец: не столько «свои–чужие», сколько «разные» и «другие». Это интересная точка зрения, когда мы должны поставить вопрос не противостояния, борьбы, насилия, монолога, а именно диалога, взаимослышания, возможной совместимости, той транскультурной точки, которую мы должны найти и в чем я вижу наше человеческое достоинство. Мы в теории призываем к толерантности, а на деле все равно остаемся в оппозиции «свои–чужие».

На пленарном заседании приводился пример «Евровидения». Заметьте, что вчера все говорили о том, кто победил, а о том, что было представлено и как, — нет. Но ведь это прежде всего музыкально-художественный проект, а не политический акт. Предварительно насмотревшись анонсов, я просто посмотрела «Евровидение» как таковое. И первое, о чем подумала, прослушав всех исполнителей, — что № 1 будет именно Вурст, хотя я даже не поняла, что это за артист. На следующее утро в теле- и радиопрограммах услышала, что «Евровидение» выбрало эпатаж. А почему не такая точка зрения: «Евровидение» выбрало голос? Я, прослушав всех певцов, сразу отдала приоритет этому голосу и лишь потом узнала, что это трансвестит. То есть это художественный проект, если мы будем политизировать, как к этому относиться, то, наверное, не пойдем молодых, к кому подчас обращено это искусство. Как к этому относиться? Вчера прозвучало — без эмоций, без нагнетания истерики, мудро. Может быть, нам нужно выбрать максимы по отношению к проблеме, поставленной сегодня, — «свои» и не «чужие», а «другие» или «разные».

Еще один момент, который я отметила в выступлениях. Часто в речах звучали слова «эстетика», «эстетическое», которые, как правило, связываются с красотой. Но не следует забывать, что эстетическое — это еще и совершенное, причем в высоком смысле слова. Между прекрасным и безобразным градаций достаточно много, и это не что иное, как ценностное отношение человека к миру. Как говорил Хайдеггер, в XX веке мы считали, что эстетика — это наука о красоте, но сегодня эстетика занимается истиной бытия. И слова «гармонизация», «симфонизация» нашего бытия тоже звучали в докладах, а это эстетические категории.

Из тезисов докладов, которые были выложены в Интернете на сайте «Площадь Лихачева», мне не понравился, например, доклад искусствоведа из Красноярска Марины Москалюк, которая приводит в качестве примера прекрасное художественное искусство Сальвадора Дали или Босха, считая их чужими по отношению к высокой классике. Меня это удивило, потому что мы живем в совершенно другую эпоху и должны знать с точки зрения той же эстетики, что существует

не один тип искусства (именно как художественный образ, как мы представляем себе искусство).

В настоящее время сложились уже четыре типа искусства. Первый тип — искусство, где воздействует художественный образ. Но есть и другие три типа, с которыми мы взаимодействуем, но, наверное, плохо осмысливаем, — это маргинальное, концептуальное и виртуальное искусство. В этих трех видах искусства действует не художественный образ, а концепты, другие интересные явления, которые «завлекают» молодежь. Почему мы от этого отстраняемся?

Мой доклад связан с легитимностью современной поп-культуры, которая сегодня осмысливается современной американской эстетикой. И в качестве контекста мне хотелось бы избрать слова уважаемого Абдусалама Абдулкеримовича Гусейнова, которые изложены в «Философских заметках», где он высказывает мысль о противостоянии тоталитаризма и демократии. А поскольку мы говорим о демократическом обществе, то хотелось бы здесь обратиться на это внимание. Он пишет: «В основе тоталитаризма лежит представление о человеке как добром (по крайней мере, потенциально добром) существе. Он исходит из того, что людей портит среда, и ставит своей целью преобразовать ее таким образом, чтобы сами условия общественной жизни, их разумно продуманная организация позволяли людям адекватно обнаружить свою нравственную сущность. Демократия основана на представлении о человеке как существе, способном на зло. Она ограничивает свою цель тем, чтобы блокировать зло, общественно опасные деструкции человеческого поведения». И далее Гусейнов приводит слова американского профессора, который говорил о трех видах недоверия, существующих в американской демократии, — это недоверие граждан друг к другу, граждан к государству, разных ветвей власти друг к другу.

В контексте блокирования проявлений человеческого зла, общественно-абстрактной деструкции, а также мотива недоверия Ричард Шустерман, который представляет современную прагматичную эстетику, рассматривает отношение американского общества к современной поп-культуре, в частности к хип-хопу или рэпу. В беседе со своими студентами я выясняю, что как раз на Украине жесткий рэп с негативными словами был наиболее распространен.

И в заключение я хочу сказать, что эстетическое, которое социально воздействует на нашу жизнь, недооценено. Следует не отстраняться от современных форм маргинального, актуального или концептуального искусства или сравнивать их с великой классикой. Может быть, стоит научиться вникать в современную молодежную культуру? Как говорил профессор Тишков, задать вопрос: почему мы не такие? К сожалению, в нашей стране искусство недооценивается с точки зрения его прогностической функции. Напомню слова великого Фридриха Швейгера, который говорил, что искусство не только отражает и осознает действительность, но и активно участвует в становлении человеческой истории.

А. Б. КУДЕЛИН: — Спасибо. Слово предоставляется профессору Елене Эдуардовне Дробышевой.

Е. Э. ДРОБЫШЕВА: — Возникает много разных коллизий на темы, которые поднимают коллеги. Александр Петрович сказал о том, что не хочет никуда уезжать. И это интересная позиция, обозначим ее как позицию № 1. Позиция № 2 — это та, которую часто демонстрируют во всем мире и о которой уже говорили, в том числе наши студенты. По опросам, от 30 до 60 % студентов готовы уехать за рубеж. Показатель зависит от специальности, которую получают студенты: чем выше ценность их образования, тем больше их специальность может быть востребована и тем чаще они демонстрируют готовность уехать. Два полюса: одни никуда не хотят, другие стремятся уехать. В сети «ВКонтакте» и других ресурсах есть группы типа «Пора валить». Люди обмениваются опытом своего «сваливания» или подготовки к этому процессу.

Мы говорим о «своем» и «чужом», и я хочу обозначить проблему собственно «своего»: кто такие мы, откуда идем, чего хотим? И в связи с этим важна проблема укорененности — кто я, живущий на своей земле, в своем хронотопе? У Бахтина очень точно схвачено и время, и место: уместен ли я здесь?

Тема моего доклада связана с апологией уместности в пространствах самоидентификации. Я постараюсь вписать свой экскурс в то, о чем говорили коллеги. Валерий Александрович тоже говорил о важной проблеме «мы–они», нужно определиться с тем, кто такие мы.

Например, москвичи и петербуржцы — пресловутый поребрик или бордюр? Жители двух столиц чувствуют между собой большие различия в языке, ментальности, восприятии и демонстрируют это на различных уровнях. Что говорить о разных поколениях, об отношениях людей, живущих в одном пространстве, но демонстрирующих разные сексуальные ориентации (например, ЛГБТ-сообщество, которое всячески пытается здесь о себе заявить, но это не получается так, как в Европе и мире)? То есть возникает много проблем с собственным процессом самоидентификации.

Цыгане — народ, который кочует, но при этом сохраняет свою самоидентификацию, то есть они чувствуют себя уместными практически везде, они прикочевали и быстро вокруг себя организуют микрокосм.

Русские — другие. Особенно в 1990-е годы, когда открылся «железный занавес» и появилась возможность путешествовать, возникали такие ситуации, что русские, слыша русскую речь за границей, старались не опознавать себя как русских, чтобы не ассоциироваться с варварской толпой, которая в мешочки складывает еду после завтрака и пр.

Мы это действительно видим в русском пространстве. И с русскими, с их уместностью, укорененностью вообще возникает большая проблема. Приведу цитату из произведения «Мертвые души» Н. В. Гоголя: «Русь! Русь! Бедно, разбросано и неприятно в тебе». Вот эта неприятность (я делаю упор на этом термине) и означает неуместность. «Но какая же непостижимая, тайная сила влечет к тебе? <...> И грозно объемлет меня могучее пространство, страшную силою отразясь во глубине моей; неестественной властью осветились мои очи: у! какая сверкающая, чудная, незнакомая земле даль!

Русь!» Действительно, человеку, живущему на Руси, в Петербурге, здесь неуютно. И совершенно другое он пишет об Италии: «Италия! Она моя!.. Россия, Петербург, снега, подлещы, департамент, кафедра, театр — все это мне снилось. Я проснулся опять на родине...». И еще одна цитата: «На Невском все обман, все мечта, все не то, чем кажется».

Те, кто был в Финляндии, видели: как только мы пересекаем границу, сразу становится заметным трепетное, заботливое отношение финнов к среде обитания. У нас, к сожалению, и в столицах, и в небольших городах, и в деревнях много равнодушного, иногда даже деструктивного отношения к окружающему пространству. Мы не можем его включить в свое жизненное пространство, мы с ним боремся. И эта постоянная война, которая происходит внутри русского населения (я обозначаю среднюю тенденцию), эта проблема неуместности существует и гонит нас куда-то в ментальном плане. Мы часто говорим о том, что родились не в то время, страдаем о прошлом, ушедшем Советском Союзе или мечтаем о будущем. Когда мы бываем за границей, в Европе или Азии, то с умилением смотрим на пожилых людей, которые ходят вечером в уличные кафе. От этого веет уместностью, укорененностью. Наши бабушки и дедушки никогда не выезжали за пределы своего дома... То есть у нас люди возраста 30+ практически не соотносят себя с этим жизненным пространством в плане досуга, а стараются формировать его у себя дома.

В окружающем мире по-другому. Я видела в Индии и хижины, и дворцы, и, казалось бы, вопиющую антисанитарию, но в то же время абсолютную гармонию человека с миром. Примеров можно приводить много. В завершение я хочу обозначить проблему, которая, как мне кажется, присуща именно русскому разброзанному сознанию: кто мы, где мы, куда идем? И насколько мы относимся с тем хронотопом, где мы находимся?

А. Б. КУДЕЛИН: — Спасибо. Слово предоставляется профессору Татьяне Борисовне Сидневой.

Т. Б. СИДНЕВА: — Оппозиция «свои—чужие» имеет большое значение и подразумевает границы. Граница, понятая как сложная, полифункциональная иерархическая система, включает прежде всего маркирование территории. Юрий Лотман говорил о том, что граница — это культурная универсалия, которая предполагает прежде всего изоляцию, отстранение. Но не менее важным для границы является диалог, открытость, взаимодействие. И в этом отношении граница является условием для взаимодействия своего и чужого. Сегодня говорили о диалоге, о границе, но хочу отметить важный момент. Диалог — это не только открытость и толерантность, но это еще создание единой территории, которая требует охраны, защиты и заботы. В русле категории «граница» центром проблематики, пожалуй, может быть названа музыкальная культура, которая сегодня имеет далеко не эстетическое значение. Она включена в этические, политические, этнические и самые разные проблемы. Музыка имеет особое значение, поскольку сегодня мы живем в мире всеобъемлющего звучания, от которого никуда не деться.

В лифте, дома, в супермаркете, на улице, в транспорте — всегда и везде звучит музыка. И это определяет ее особую роль в формировании глобальной культуры.

Музыка отражает разные ментальности и диалекты, особенности Востока и Запада, она может быть академическая и неакадемическая, авторская, анонимная — все это сегодня вовлечено в единое пространство. И в этих условиях важно формировать пограничное мышление, как сказал Хаусхофер, пограничное сознание, которое изолируется от имитаций, подмен, но в то же время открыто разным традициям. Один из мэтров немецкого авангарда Хельмут Лахенман описывал восприятие музыки следующим образом: «Я слушаю и стараюсь слушать так, чтобы уловить все и ничего не пропустить, только тогда я нахожусь на том уровне, который мы называем искусством».

Но что зачастую происходит сегодня? Сегодня одна из болезней культуры в целом и музыкальной культуры в частности — это зеппинг (практика переключения телевизионных каналов с помощью пульта). Одно из опаснейших последствий — когда в этом калейдоскопе, быстро сменяя друг друга, смешиваются разные звуки, не позволяя вслушиваться и вникать в звучащее. Музыка звучит везде, но это ее обесценивает.

Отечественный композитор Владимир Мартынов говорил о том, что легкая доступность обесценивает музыку. Это напоминает пример, когда Бах, чтобы послушать Букстехуде, целые сутки шел пешком. Нельзя забывать и о том, что сегодня музыка нередко сводится к фастфуду, легкой пище, не важно, какого качества, для чего она, главное — набить желудок. И об этом сегодня говорят разные композиторы, это действительно опасная тенденция, когда легкая доступность открывается нам оборотной стороной.

Несколько слов по поводу выступления Галины Григорьевны Коломиец. Действительно, Кончита Вурст преподнесла нам образец мастерски сделанной композиции, она показала, что такое профессиональное пение. Но этот сюжет доказывает (не случайно к этому, казалось бы, не самому значительному в нашей жизни сюжету мы обращаемся неоднократно), что музыка, как и искусство в целом, сегодня не имеет стерильного эстетического значения. При значимости музыкальной эстетической композиции мы понимаем, что этот сюжет сегодня включен в политику, гендерную, философскую проблематику. Одна из характерных черт искусства сегодня — не в сугубо эстетическом его значении, а в общечеловеческом.

Возвращаясь к музыке, хочу напомнить одно высказывание, которое я прочитала у Платона: «Музыка напрямую связана с возвышенными состояниями, именно поэтому крайне опасно использовать ее в низких целях». Как современно сегодня звучат эти строки.

А. Б. КУДЕЛИН: — Большое спасибо. К микрофону приглашается профессор Игорь Федорович Кефели.

И. Ф. КЕФЕЛИ: — Мое выступление посвящено геополитическому дискурсу оппозиции «свои—чужие», «мы—они». Перед тем как изложить свои тезисы, я хотел бы высказать несколько крамольную мысль,

которая родилась у меня после выступления Светланы Николаевны Иконниковой. Если можно было бы давать эпиграфы к секциям, то для нашей подошло бы название фильма из советской киноклассики «Свой среди чужих, чужой среди своих». Старшее поколение прекрасно помнит этот фильм, который смотришь мучительно, находишь позицию того и другого, определяешь героя этого классического фильма. Поэтому при рассмотрении оппозиции «свой–чужой», «свои–чужие» надо определять позицию исследователя, его культурную идентичность, понимание культуры чужого, другого мира, другого этноса.

Во многих выступлениях и докладах, в частности в докладе профессора Чурова, который обострил проблему, диалог культур рассматривается в контексте мира как диалог национальных культур. А когда возникает вопрос «война как диалог культур», мы сразу должны рассматривать оппозицию «война–мир». Действительно, диалог культур не ограничивается только сферой мира, но должен включать и сферу войны, конфликтов, противостояний, в данном случае — противостояний геополитического свойства, которые в настоящее время приобретают характер глобального противостояния.

О судьбах культуры в глобальном мире также много говорилось и вчера, и сегодня, в частности Абдусалам Абдулкеримович еще раз обратил на это внимание, но, на мой взгляд, надо идти дальше. В каком направлении? В рамках оппозиции «свой–чужой» о каком глобальном мире мы должны вести речь? О глобальном мире, который однополюсен, или о том, который, по мнению многих ученых, в том числе отечественных, является или становится полицентричным, глобальным? Но полицентричный мир, в котором говорят о геодивергенции как центре, полюсе этого полицентричного мира, снимает вопрос об оппозиции «свой–чужой».

В. С. ГЛАГОЛЕВ: — Я хочу обратить внимание на некоторую некорректность в обсуждении темы «Христианство и война» на конкретных примерах. Пример первый. Идет обсуждение дипломной работы на тему «Священная война в средневековой христианской культуре» и выясняется, что священная война в христианстве началась в связи с подготовкой Крестовых походов. В Европе накопилось большое количество рыцарей, которые грабили, были разбойниками вместе со своими слугами. Убийство человека, а тем более христианина — смертный грех. И эту массу направили на Ближний Восток, пообещав немедленное снятие всех грехов и, более того, молитву Папы во спасение души человеческой.

Второй пример. Обсуждалась диссертация «О нравственных основах войны в современном русле философии второй половины XIX — начала XX века». Я в качестве члена диссертационного совета сказал: из всех названных авторов только два были на войне — это Л. Н. Толстой и Ф. А. Степун (его знаменитое произведение «Из писем прапорщика-артиллериста»). Остальные в лучшем случае были философскими журналистами. Я думаю, что всем не имеющим прямого отношения к участию в войне соответствующим кодексом,

не только моральным, но, возможно, и уголовным, нужно запретить судить об этих вопросах в обязывающей форме.

А. Л. МАРШАК: — Солидаризируюсь с мнением академика Асмолова из Московского университета, с его точкой зрения, я хочу сказать, что переход диалога в разряд «свой–чужой» — это пример варваризации общества. С моей точки зрения, это совершенно правильно. Когда возникает противопоставление, то начинается варварство. Поэтому я хочу поддержать всех тех, кто призывает к лояльному обсуждению диалога, то есть к диалогу как некому способу лояльного обсуждения. Я бы хотел особо поддержать точку зрения академика РАН А. А. Гусейнова, мне близко его осознание того, что происходит.

З. Н. ПОНОМАРЕВА¹: — Я хочу высказать мнение, может быть, уводящее от чистой науки в практику. Мне кажется, что в каждом выступлении было что-то интересное. Хотелось бы вынести для нашего сообщества практические рекомендации, потому что мы постоянно отстаем, проигрываем. Двадцать лет Украина готовила этот кошмар, падение, которое произошло в стране. Мы видели там националистические, фашиствующие, антироссийские настроения. Мы смеялись над анекдотами: «Как москаль говорит “пыво” — “пиво”. Повбывав бы». Что бы мы сейчас ни говорили, неплохо было бы наконец выработать рекомендации, что делать, чтобы «свой» не становился «чужим».

Мы сейчас все смотрим только на Запад. Я работала в университете в Китае и постоянно бывала в китайском посольстве. И я увидела (не только в Китае, где это было видно особенно ярко), как мы «своих» сделали «чужими». Как мы «своих» китайцев, которые любили нашу культуру, знали русский язык, литературу, наше кино, постепенно выдавили из своей сферы влияния и отправили к американцам, немцам, которые привозили и раздавали книги, бесплатно учили немецкому, английскому языкам. А наше посольство, кроме помпезных мероприятий, когда приезжали какие-нибудь ансамбли и деятели искусства, перестало что-либо делать. А раньше каждую неделю показывали бесплатные кинофильмы, и китайцы очень переживали из-за того, что этого больше нет. Каждый из нас, мне кажется, может что-то сделать, чтобы те «свои», которые еще остались, не переходили в разряд «чужих». Потому что очень легко потерять «своих» и гораздо труднее «чужих» сделать «своими».

А. П. НАЗАРЕТЯН: — Я хотел бы дополнить замечания Абдусалама Абдулкеримовича. Собственно говоря, основания общие — концептуальные основания теории систем. Существует закон необходимого разнообразия Эшби, который не работает без закона иерархических компенсаций. Он состоит в том, что совокупный рост разнообразия системы обе-

¹ Доцент кафедры философии и культурологии СПбГУП, кандидат филологических наук. Автор более 40 научных публикаций, в т. ч.: «Заголовок и подзаголовок СМИ: семантико-синтаксические особенности», «Этнокультурная составляющая речи», «Промотор кинофильма с позиций речевой культуры» и др.

спечивается ограничением разнообразия на несущих уровнях. Это закон, работающий в физике, биологии, лингвистике, социологии, психологии, то есть общий. Сегодня для того, чтобы росло совокупное культурное разнообразие, разнообразие прежде всего микрогрупповых культур, должно ограничиваться макрогрупповое разнообразие, то есть должны быть общечеловеческие ценности. Все должны следовать некому набору норм четко признанного поведения. И только в этом случае рост разнообразия может быть продуктивным. По этому закону, когда растет разнообразие, на несущем уровне обваливается верхний слой. Что Господь Бог сделал в Вавилоне? Повысил разнообразие кодов, и совместная деятельность оборвалась. Каждая культура заострена на ментальную матрицу традиционной, исходной культуры. Если мы эту заостренность убираем, остается антураж и т. д. Этот момент, как мне кажется, надо иметь в виду, чтобы представлять себе глобальную перспективу.

В. Ф. ПЕТРЕНКО: — Я хочу вернуться к вопросу, который был задан предшествующим выступающим: «Что делать?». Во-первых, ответ мы слышали у А. А. Гусейнова: осмыслять. Философы должны осмыслять, и естественно все это нужно публиковать. Конечно, осмысление должно подниматься на уровень просвещения и образования. Я вспоминаю выступление профессора из Афганистана, который говорил, что многие проблемы в нашем обществе происходят из-за недостатка образования.

Несколько слов о «Евровидении». Одна студентка на занятии сказала: «У меня маленький сын. Как я ему объясню, что сейчас произошло?». Нужно так и объяснить, что мы разные люди, не «свой-чужой», а «разные», «другие», и что в этом мире и в природе могут быть отклонения, но есть и нормальные, хорошие, счастливые. Не с позиции «свой-чужие», а «другие». С той позиции, которую предложил профессор Гусейнов, с транскультурной точки, которую мы должны найти.

Профессор Чуров вчера говорил об объективной истории. В гуманитарных науках, как мне кажется, не может быть, в отличие от математики, объективной реальности, которая не зависит от системы ценностей интерпретатора. Черчилль в свое время сказал, что Россия — это страна с непредсказуемым прошлым. У Назаретяна есть интересная статья «Истина как мифологическое понятие», адресую к этой публикации.

В завершение хочу напомнить цитату из Достоевского, где он говорит устами одного из персонажей: «Если бы на одну чашу весов положили истину, а на другую чашу — Христа, то я бы предпочел быть с Христом, а не с истиной».

— *Будда говорил, что надо быть самому себе светильником, вне зависимости от собственного опыта.* (реплика из зала)

В. Ф. ПЕТРЕНКО: — В любой гуманитарной науке есть аксиологический компонент, и потому нет ис-

тины, независимой от позиции наблюдателя, интерпретатора.

— *И в физике то же самое.* (реплика из зала)

С. М. КЛИМОВА: — Я хотела бы сказать несколько слов по итогам прошедшей дискуссии. Мне показалось, что она была выстроена в оппозиции теорий и фактов, и один приводил аргумент из теории, а другой — аргумент из фактов. Поэтому я приведу пример из обыденной жизни, для того чтобы потом, может быть, подвести под теорию. Культура моих отношений с дворником из Таджикистана очень стандартная: поздороваться, улыбнуться, попросить что-то сделать, принять эту помощь. Но фундаментально его культура мне чужда, и я могу, если мне нужно, ее изучить, но могу и не изучать — это в основании. На метафизическом, онтологическом уровне мы все-таки чужие, и мы эту категорию должны принять, но мы близки на уровне повседневности или, так сказать, феноменального общения.

Лев Николаевич Толстой задолго до Дмитрия Сергеевича Лихачева вырабатывал принципы не просто диалога, а именно способности соединить мир «своих» и «чужих». Пример — когда Хаджи-Мурат сидит у графа Воронцова. И диалог происходит через улыбку, соприкосновение, подарок.

А. Б. КУДЕЛИН: — Спасибо. Слово предоставляется Александру Петровичу Маркову, который начал сегодняшнюю дискуссию.

А. П. МАРКОВ: — Во-первых, я хотел бы отметить интересный ракурс проблемы, который прозвучал в дискуссии. Валерий Александрович Тишков высказал интересную мысль о том, что, помимо конфронтации, помимо жесткого диалога, в определенных случаях к врагу может формироваться чувство, похожее на любовь. В основе этого феномена лежит универсальный механизм идентификации, истоки которого восходят еще к ритуальному каннибализму.

Дело в том, что предельно острая форма оппозиции («мы-они»), проявляющаяся в агрессивном противостоянии, борьбе, подсознательно запускает механизм идентификации с «врагом», в результате которой субъект на бессознательном уровне интериоризует («усваивает») качества объекта оппозиции. Даже если конфронтация фактически завершается победой одной из сторон, «победитель» невольно отождествляет себя с побежденным, идентифицирует себя с ним. В свое время писатель Владимир Тендряков проявление этой закономерности увидел в психологии крестьянских восстаний, вожди которых спешили занять место убитого помещика, включая и его спальню со всеми ее «атрибутами». Или поведение революционеров, которые после изгнания царя поспешили въехать в его хоромы. И другое его остроумное наблюдение: после разгрома фашистской Германии победители засадили улицу М. Горького в Москве липами, невольно скопировав образ берлинской Унтер-ден-Линден, а вскоре стали травить космополитов так же, как

в недалеком прошлом это делали побежденные. В рамках такого же сценария действовали демократические силы в Советском Союзе второй половины 1980-х годов. Вступив в борьбу против идеологии, построенной на насилии и классовой борьбе, в своем отрицании они продолжали оставаться в плену большевистской психологии, используя соответствующие методы и тактику. Даже придя к власти, они не смогли избавиться от наследия, продолжая действовать по старому коммунистическому сценарию, поменяв в нем лишь знак исповедуемых ценностей. Следовательно, любые формы борьбы (и особенно идеологического противостояния), даже если она заканчивается поражением одной из сторон, в определенном смысле приводят к поражению и самого победителя.

Другая идея, которая получила развитие в рамках дискуссии, — по поводу необходимости и целесообразности создания «универсального человека». Мы недавно видели такого универсального человека по имени Кончита. Мне кажется, размышления на эту тему свидетельствуют об антропологической катастрофе, о кризисе, который переживает европейская культура. И кризис этот спровоцирован самой системой гуманитарного знания. Дело в том, что кризисно-деградационная динамика смысловой сферы современной культуры связана в основном с антропологическими моделями, которые родились в системе гуманитарного знания. В частности, антропологический проект «нового язычника», который существенно «потеснил» классический образ человека, зародился в недрах западноевропейской гуманитарной культуры. Контуры проекта человека как «высокоразвитого животного», как справедливо отметил в свое время М. Шелер, содержатся в натуралистических, позитивистских и прагматических течениях философской мысли (в позитивизме Бэкона, Юма, Конта, Спенсера, Милля, в эволюционном учении Дарвина, в работах Шопенгауэра, Ницше, Фрейда, а сегодня — в философской парадигме постмодернизма). Созданный в русле этого направления «проект человека» в конечном счете оказался сценарием «смерти человека» в его классической формуле: человек как *antropos*, то есть существо, устремленное в сферу духа. Мне кажется, смысл гуманитарного знания (и гуманитария) — не провоцировать хаос и не звать «тьму» (помните пронзительные строчки Варлама Шаламова: «Зови, зови ночную тьму, и тьма придет»), а верить, что классическая антропология, христианская модель личности — это базовая основа человеческого бытия на все времена.

Еще одна мысль — по поводу характера и перспектив межкультурного диалога и о его возможностях блокирования растущего в мире вала ненависти. Мне кажется, нуждается в корректировке концептуальная основа диалога. Мы в плену у парадигмы М. Бахтина, который писал свои гениальные тексты в иные времена. Диалог — это пустая рамка, в которую можно поместить любой «портрет». Но есть красивое русское слово «отношение», которое предполагает отдачу, жертвенность. Надо что-то отнести, принести в дар, чтобы получить отклик, ответ. И мне кажется,

что парадигма коммуникации как «от-ношения» — звучна нашей ментальности. Мы все что-то «относили» другим, приносили в жертву собственное благополучие. И утверждение диалога в смысле отношения (на практике, в системе гуманитарного знания) — это реальная перспектива сокращения в мире зоны ненависти и зла.

И последнее. Оппозиционность моего первого выступления по отношению к идеям академика Гусейнова была больше в целях оживления дискуссии. Но она продиктована не только задачами секции, но и моей неизменной любовью к Абдусаламу Абдулкеримовичу и восхищением его интеллектом. Я обратил внимание, что после комментариев моих выступлений Абдусаламом Абдулкеримовичем я лучше понимаю смысл того, о чем только что говорил.

Я в своем выступлении говорил о конструктивности уникальных, психокультурных практик, основанных на таких энергиях души и сердца, как понимание, прощение, любовь. Мне кажется, что этими практиками в большей степени владеют женщины, но есть надежда, что и мы, мужчины, научимся любить и прощать. А, как известно, «по вере вашей да будет вам».

А. Б. КУДЕЛИН: — Спасибо. Слово предоставляется Валерию Александровичу Тишкову.

В. А. ТИШКОВ: — В истории человеческого рода не было таких периодов, моментов, когда бы не было войны, насилия. Поэтому все трактаты о вечном мире или о том, что можно избежать насилия, — в какой-то мере утопия. Ибо конфликт, в том числе его крайняя форма — открытый конфликт, то, что мы называем войной, — это часто разрешение каких-либо противоречий или же меседж, в данном случае послание, на которое требуется реакция. Поэтому мы вправе говорить о культуре войны, культуре насилия либо антропологии насилия. Но здесь все-таки мы должны пойти дальше, чем Ханна Арендт или другие специалисты, авторитеты, которые изучали проблему насилия.

Высказывается идея, что насилие — это форма катарсиса и очищения. Современная гуманитарная наука не разделяет обращения к насилию как к обязательной форме очищения, катарсиса. И в этом отношении миротворческие практики, которые вырабатываются, и основные свершения людей (строительство жилищ, храмов, рождение детей и пр.) происходят в основном не в годы войны, а в мирный период, который должен превалировать. Поэтому предполагая, что мы никогда не будем жить в вечном мире, тем не менее нужно сказать, что это стремление, моральная установка должны существовать у нас. Кстати, в мировой антропологии появилось интересное направление — вышла книга «Societies and peace» («Общества в состоянии мира»). Обнаружилось, что столетиями существовали, правда, более изолированные этнические, региональные сообщества, которые не знали войны, открытого насилия, и они умели находить пути разрешения конфликтов. «Societies and peace» — интересная исследовательская линия, на которую и философы, и антропологи, и психологи могли бы обратить внимание.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Мне кажется, Валерий Александрович употребляет слово «насилие» в широком смысле.

В. А. ТИШКОВ: — Физическое, прямое насилие — убийство. Но есть и косвенное насилие.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Косвенное насилие — вся наша общественная жизнь. Весь вопрос — в понятиях и границах. Толстой говорил: насиловать — это силой принудить другого делать то, чего он не хочет, подчинить его. Известны аргументы, что насилия всегда было много, оно было продуктивным в истории и пр. В свое время Ганди выдвинул простой тезис: «Ненасилия было больше, чем насилия. Если бы было наоборот, то у меня бы не было возможности написать это письмо, а у вас — прочесть его».

Представьте себе город, в котором ежегодно домов, которые уничтожаются, сгорают, больше, чем домов, которые строятся. В определенный момент этот город перестанет существовать — элементарная логика говорит о том, что общество держится только на дисбалансе в сторону ненасилия. Слова имеют много разных смыслов, но есть первичный строгий смысл. И когда возникло отрицание насилия? Не убий — вот грань.

Иногда чеченцы, дагестанцы в Москве, радуясь, танцуют лезгинку на улице. И людей это раздражает. Это для них непривычно. Но в то же время в Москве уже много лет празднуют День святого Патрика — и никого это не раздражает. Подумайте, почему так? Из-за того, что лезгинка другая, чем русские танцы, а День святого Патрика — праздник русский? Нет. Значит, изначально существует какое-то другое отношение.

В. А. ТИШКОВ: — Так заряжено, предписано.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Заряжено. На кавказцев реагируют так, а на ирландцев — иначе.

В. А. ТИШКОВ: — Спросите у поколения, которое выехало в годы войны из Москвы и Ленинграда в Ташкент, Самарканд, как они чувствовали себя среди людей другой культуры, которых не могли понять? Сегодня прозвучала мысль, что я поздороваюсь с дворником-таджиком, но это человек другой культуры. Это неправильно. Люди, которые жили и воспитывались там (в том числе в Ташкент выехали и Академия наук, и все гуманитарии), ответят иначе. Нам нужно обратить внимание на индоктринацию. Проблемы индоктринации, так же как всякие флешмобные практики, — это новые явления, которые обретают простые формы. Откуда берутся живые бомбы? Когда человек, сознание которого — *Tabula rasa*, после прочтения трактата совершает этот путь в террор: учится пилотировать «боинг», заводит семью и знает, что он погибнет? Это сложная человеческая природа. Проблемы индоктринации, как мне кажется, недостаточно изучены и учитываются.

А мы ищем социальные корни терроризма, политические притязания...

А. Б. КУДЕЛИН: — Сегодня состоялась содержательная дискуссия, прозвучали хорошие сообщения, что подтвердило и заключительное обсуждение. Я опасался, что наше обсуждение превратится в некую журналистику, потому что проблемы, которые мы поднимали сегодня, близки к тому, чтобы скатиться в плоскость, когда собственно научная часть, несмотря на то что мы находимся в научном сообществе, будет заглушена. К счастью, ни вчера, ни сегодня этого не произошло. Выступающие нашли такое соотношение фактов, чтобы они были понятны тем, кто их слушает, с одной стороны, и научная составляющая при этом была бы достаточно сильной, с другой стороны.

Кто-то из выступавших сегодня противопоставил факты и теоретическую составляющую. Мой друг Михаил Борисович Пиотровский говорил, что если заставить его выбирать работу, где есть факты без концепции или концепция без фактов, то он выберет факты без концепции. Но на самом деле, как считает Пиотровский, если человек способен с пудовыми гириями фактов подняться и парить в воздухе, следить за этими фактами — это самое замечательное.

К нам в издательство (серия «Литературные памятники») поступила рукопись прекрасного автора Иехуда Галеви. Я прочитал текст в русском переводе (а русский и иврит для тех, кто его перевел, родной): «Испания — родина моя». Я знаю, что в то время, когда Иехуда Галеви писал, Испании как таковой не существовало. Были королевства и пр. В еврейском тексте — земля сефардов. Это не то же самое, что Испания. Сразу начинается другое рассуждение.

Сегодня один из участников дискуссии говорил о проблеме христианской культуры в мусульманском мире. Огромная часть арабской культуры — христианская. Александр Сергеевич Запесоцкий в своем выступлении отметил, что в Средние века литература была анонимна, но, к примеру, все произведения, опубликованные в томе «История всемирной литературы», имеют авторов. Значит, важно, прежде чем мы перейдем к обобщению, чтобы пудовые гири фактов были у нас на ногах.

Приведу четверостишие С. Я. Маршака, для того чтобы мы на чужую культуру не смотрели как на нечто враждебное:

Жму руку дуракам обеими руками,
Как многим, в сущности, обязаны мы им!
Ведь если б не были другие дураками,
То дураками быть пришлось бы нам самим.

Другая культура имеет право на существование. Нужно попытаться проникнуть в нее, а после этого уже рассуждать. После того как мы ее поймем, у нас не возникнет желания ее принижать. Я считаю, что нет маленьких культур, маленьких языков, маленьких народов, все культуры должны быть оценены по достоинству. Большое спасибо!